

Сборник рассказов

Война на востоке

Сережа хороший

На вопрос начинающего сценариста:

- Какие жанры и герои интересуют вашу киностудию...

Руководство кино компаний отвечает, как правило, таким образом:

- ... по факту, нас интересуют мелодрама - детективные истории (с любовной линией) интересными героями - не старше среднего возраста

Герои данного повествования - Пётр и Надежда Острозоровы как раз подходят к требованиям кинопроизводителей.

Во-первых, они люди среднего возраста. Во – вторых, весьма интересные персонажи.

А как им не быть интересными при их то социальном статусе и многотысячных зарплатах. Трёхуровневой квартирой. Виллой - одной на французской Ривьере, а другой в городе из снов и фантазий Пальма де Майорка...

Петр и Надежда работают ведущими общественно — политической программы «Сила в правде» на главном ТВ канале страны.

То, что их держава сегодня едина, сплочена, монолитна, как никогда - есть несомненная заслуга Островзоровых.

Поэтому госмужи не обходят их своим пристальным вниманием и отеческой заботой.

Каждый год их награждают то памятным знаком, то медалью, а то и вовсе орденом.

В своих передачах ведущие программы «Сила в правде» с жаром, пылом и неодолимой, прямо-таки, маниакальной страстью защищают и оправдывают все начинания лидера своей державы и делают они это, как кажется многим, не из желания хайпануть, а от чистого сердца.

Почему не сердце? Да потому что за 25 лет совместной жизни их сердца стали одним общим, бьющемся в ритме правды и благородства сердцем!

Когда в чатах их спрашивают:

- Каково ваше политическое кредо?

Петр отвечает:

- Всегда с лидером.

А Надежда дополняет:

- Нет лидера – нет страны.

Островзоровы уверены, что их державе безгранично повезло с вождем, лидером, главой, конунгом, президентом.

Они считают, что затеянная главой их государства (и по совместительству главнокомандующим) спецоперация, а точнее, полномасштабная война, является правильной и необходимой акцией.

В своей авторской программе «Сила в правде» Пётр и Надежда живо, ярко и в тоже время трогательно описывают злодеяния нацистского (как именуется в высших эшелонах власти) режима недостраны, на территории, которой проходит спецоперация.

Натуральным образом клянут и поносят они на чем свет стоит фюрера недостраны - конченного алкоголика и прожжённых наркоманов - членов его правительства: в массовом уничтожении собственного народа...

- Что у нас сегодня, - поинтересовалась у репортера канала Надежда, - есть что – то интересненькое?

- Вот посмотрите.

Репортер включил запись отснятого им накануне материала...

Вечером того же дня Надежда показала материал Петру, которому нездоровилось в его фешенебельной трёхуровневый квартире.

- Какой патриотический порыв! - пафосно воскликнул (закончив просмотр материала) Петр, - сколько благородной ярости! Bravo! Bravo!

Ставим этот сюжет в нашу следующую «Силу»
«Сила» так, между собой, называют Островзоровы свою программу.

- А не жестковато ли? - Скребя наманикюренным ноготком висок, поинтересовалась Надежда, - все-таки избита молодая девушка, юное создание.... И было бы за что. Ведь, мягко говоря, за пустяк. Маникюр цвета недространы! Может она даже и не знала, что красит ногти в ее цвет.

- Как это пустяк. - возмутился Пётр, - ты что такое говоришь, Надя. Как это не знала, когда мы с тобой денно и ночью говорим и показываем символы режима алкашей и наркоманов. Так что все в рамках. Надо ещё и маникюршу привлечь к ответственности. Может у них там в салоне террористическая группа окопалась.

- Но ведь...

- Извини, - перебил ее супруг, - я должен принять лекарство.

Петр пошёл к себе в кабинет. Надежда еще раз включила сюжет.

-Надя! Надя! Послышался, из кабинета, тревожный голос Петра.

- Что?

- Поди сюда.

- ...без меня уже и таблетку выпить не можешь!?

- Тут дело не в таблетке. Тут все более серьезнее.

Надежда вошла в кабинет:

-Ну, что случилось?

- Посмотри на Сережу.

Петр и Надежды лишены возможности иметь детей и всю свою любовь, и заботу они отдают своему любимцу Сереже очаровательному южноамериканскому попугаю из категории тех, что давно уже занесены в красную книгу исчезающих видов. Сережа живет как у Бога за пазухой. Нет лучше. Он живет, как депутат госдумы: летает по

всей трехуровневой квартире, ест отборное зерно, свежайшие фрукты и гадит, где попало...

Он попугай говорящий, знает некоторое количество слов и одно, выражение.

- Смерть жидобендеровцам!

Которое Сережа произносит на свой попугаевский лад «Смерть жидо бендер овцам»

- Ну, посмотрела и что?

- Что? Что? Ты посмотри на его оперения.

- А что с ними не так?

- И она еще спрашивает, - изумился Петр, - а то, что они желто — голубые. Точь-в-точь цвета флага недостраны! И мало того на голове у него рисунок, напоминающий их ТРЕЗУБЕЦ... Как это я сразу не рассмотрел. Вжизь бы не купил!

- Когда ты его покупал, - заметила Надежда, - это были символы братской нам страны.

- Ну, да. Ну, да, - пробормотал Петр, - что же теперь делать?

- Ничего.

- Ты в своем уме!?

- Ты почему таким тоном со мной разговариваешь!
- Прости, Надя, прости. Погорячился. Сама видишь какая обстановка. Прости... Но и ты тоже хороша. Ничего! Если за маникюр избили, то представляешь, что с нами сделают, узнав какого цвета у нас птица. Мы ведь с тобой не простые люди. Мы ведущие «Силы»! Нет, тут нужно действовать быстро и решительно.
- Что ты предлагаешь. Избавиться от него.
- Да, ты что, - возмутился Петр, - я лучше от себя избавлюсь, чем от Сережи. Ведь мы с ним, как говорится, столько каши и соли съели!
- Ну, а что тогда?
- Во – первых, надо срочно убрать все Сережины фото из наших соцсетей. Во – вторых... Во- вторых? Не знаю, но можно попытаться его перекрасить.
- Да ты что! Краска – это же химия. Мало ли что с его перьями после такой процедуры можно случится.
- Это правильно, - согласился Петр, - это верно! А что делать? Есть у тебя конструктивные идеи?

Надя наморщила лобик, что означало процесс обдумывания. Морщинки разгладились, и она произнесла:

- Ощипать. А пока у него будут расти новые перья... мы глядишь... снова станем братскими народами?

- А он не простудится?

- Не волнуйся! Я свяжу ему свитер!

- И все-таки нужно обратиться к специалисту, - предложил Петр, - к этому жирному борову.

- Он нас не сдаст?

- А мы аккуратненько... так намеками...

На следующий день Петр и Надежда пришли в кабинет ветеринара, которого иначе как «жирный боров» никто из его клиентов и не называли.

Выслушав Островзоровых «боров» дал свой утвердительный ответ:

- Нет! Нет и нет... делать этого нельзя и то, и другое может убить птицу...

Возвестил ветеринар

И южноамериканский какаду был наглухо заперт в кабинете Петра.

На вопрос знакомых:

- Как ваш Сережа?

Обычно словоохотливые Островзоровы уклончиво отвечали:

- Нормально.

Шли дни. Программа Сила в правде срывала высокие рейтинги. Сережа по-прежнему (но уже в тишине кабинета Петра) выкрикивал «Смерть жидо бендер овцам»

Как-то ведущих «Силы» вызвал к себе руководитель канала (представительный номенклатурный мужчина) Эрнест Гаврилович Сладкий.

Островзоровы вошли в кабинет и приветливо поздоровались.

Руководитель (не отрывая взгляда от бумаг) кивнул своей крупной лысой головой.

Ведущие «Силы» знали о привычке шефа вызывать к себе и держать провинившегося подчиненного стоя, не поднимая глаз и не говоря ни слова минут пятнадцать.

Петр и Надежда никак не могли понять, в чем они провинились. Рейтинг зашкаливает, в комментариях одни лайки, недавно наградили почетным орденом.

Эрнест Гаврилович отодвинул бумаги, поднял голову:

- Я вызвал вас вот по какому делу, - замогильным (предвещающим большую неприятность) голосом

начал Э.Г. Сладкий, - на мое имя поступило письмо от доброжелателя, в котором он сообщает о том, что вы, то есть Островзоровы, держите у себя «на квартире» птицу вражеской раскраски, что дает доброжелателю право считать Островзоровых... то есть вас... латентными сторонниками режима морфинистов и алкоголиков. Фото птицы прилагается.

Эрнест Гаврилович бросил на стол фотографию Сережи:

- В данной... конкретной ситуации... от птицы лучше избавиться.

- Нет. Заявила Надежда

- Ни в коем случае. Поддержал ее Петр.

- Это конечно ваше право, - крутя изображение несчастной птицы в своих жирных пальцах, сказал начальник, - но в таком случае я вынужден буду закрыть вашу «Силу» и передать дело в органы нацбезопасности. Пусть они разбираются с этим вопросом. И потом, что это за намеки в его имени Сергей.

- Простите... какие намеки?

- Сергей. Гей, - пояснили Эрнест Гавриловичи, - это слово запрещено госкомнадзором.

- Во – первых, - сказала на это Надежда, - мы называем его Сережей, а не Сергеем. Во – вторых, он традиционной ориентации. У него есть невеста Глаша и многочисленное потомство. В – третьих, это же просто смешно.

- Я вам тут не анекдоты рассказываю! Ишь, распустились! Идите, вы свободны.

Ведущие вышли из кабинета. На крыльце телецентра их встретил «качок» бандитской наружности:

- Вы Островзоровы?

- Мы, а в чем дело?

- Попрошу вас пройти со мной в машину. Вот документ о вашем задержании.

- На каком основании...

- Вам все объяснят.

- Мы никуда не поедem, - Заявил самым решительным образом Петр, - Мы...

Не успел он закончить реплику, как неизвестно откуда взявшиеся крепкие молодцы (заломив Островзоровым руки) затолкали их в кабину автомобиля.

Куда их везли Островзоровы не имели ни малейшего понятия. Лица их были спрятаны под черными балахонами...

Машина остановилась. Ведущих «Силы» вытащили из кабины. По мерному гудению они догадались, что они в лифте, но поднимается он или опускается понять было невозможно. Лифт остановился. Балахоны сняли. Островзоры оказались в комнате без окон, освещалось тесное, темное помещение мутной лампочкой Ильича, о которой в стародавние времена говорили: «Висит груша нельзя скушать»

В кабинет вошел молодой человек приятной наружности.

- Прошу садится.

- Но здесь один стул!

- Ах простите.

Молодой человек вышел из комнаты:

- Прошу...

Молодой человек бегло улыбнулся:

- Ну, что не будем толочь мысли в ступе, а возьмем их сразу за рога. Вам, надеюсь, понятно по существу и в принципе... почему вы здесь?

- Не совсем. Ответил Петр.

- Напротив, - перебила его Надежда, - совсем не понятно: не по существу, не в принципе.

- От птицы нужно избавиться.

- На каком основании?

- На основании того, - молодой человек сделал серьезное лицо, - что она имеет окрас вражеской нам страны. Вам еще, между прочим, повезло, что вы живете в наше время. Представляете, что с вами было бы держи вы во время Великой отечественной птицу со свастикой на крыле!

- Ок, - сказала на это Надежда, - но, когда мы ее покупали... птица имела оперенья братской нам страны.

- Но сегодня все изменилось или меняйте оперенья... или сдайте птицу нам.

- Кому это вам?

- Органам нацбезопасности. Поверьте, это в ваших же интересах. Представляете какие последствия ждут вас и птицу, прознай про этот факт патриотично настроенные граждане.

- Умрем, но птицу не отдадим! Пафосно воскликнула Надежда.

Представитель нацбезопасности дал им два дня на принятие окончательного решения.

Петру и Надежде вновь набросили на голову балдахины. Автомобиль снова долго петлял по улицам города, наконец, они оказались возле двери их трехуровневой квартиры.

Петр и Надежда не стали ждать окончания ультиматума органов госбезопасности. На следующий же день они отправилась на центральную площадь, достали фотографию Сережи и принялись скандировать:

-Свободу птице!

Заметив, кого защищают протестующие - их тут же принялись бить сознательные, патриотически настроенные Зраждане, которые же и помогли ментам упаковать любителей вражеских птиц в автозак.

Бросив все имущество Островзоровы вместе с попугаем тайно покинули любимую, сытную Родину и нашли себе пристанище в недостране, управляемой кликой алкоголиков и наркоманамов.

Теперь перед ними стоит нелегкая задача отучить многострадального Сережу от выражения «Смерть жидобендоровцам», которую он произносит на свой попугайский манер «Смерть жидо бендер овцам»

Вспоможение

В дверь квартиры поступали.

— Иди открой. Приказал Александр Иванович Быстрый своей супруге Екатерине Дмитриевне.

- Не пойду. Ноги у меня.

- Ноги у нее. Знаю я твои ноги. Ходила бы больше, а не в ящик,- Быстрый указал на бубнящий политической программой телевизор, - этот тырилась. Мля.

- Может в нем про сынка нашего Васеньку, - плачущим голосом сказала на это Екатерина Дмитриевна, - который кровь свою проливает, скажут.

- Скажут они тебе. Куриную сю- сю и ту не всю!

Александр Иванович встал с дивана и шаркая потертыми тапками по истертому линолеуму пошел к двери.

- Кто там?

- Я.

- Кто я?

- Кирилл.

- Какой еще Кирилл, - буркнул Александр Иванович,
- не знаю такого.

- Как не знаете? Я с вами и с супругой вашей разговаривал. Вы у нее спросите... если не помните.

- Ноги у нее.... у супруги... блин.

- О, а я ей как раз и мазь для суставов принес!

- Положи под дверь я потом заберу.

- Под дверь? Ну, вы даете! Ее ж через пять минут утянут. Свой я. Свой. В глазок посмотрите и убедитесь.

- Нет у меня глазка.

- Тогда так... без глазка откройте. Свой я. Сколько можно повторять.

- Ну, посмотрим, какой свой, - сказал Быстрый, и соврал для устрашения, - только если что, то у меня газовый пистолет в руках. Понял?

- Понял. Понял, открывайте.

Александр Иванович повернул дверной замок, приоткрыл дверь и в образовавшейся щели возник вихрастый и благоухающего, как утренняя роза, молодой человек.

- Здравствуйте, Александр Иванович! Вспомнили!

- А. Вот ты кто. Так бы и сказал, а то Кирилл, Кирилл. Ну, проходи.

Ароматизированный гость прошел в квартиру.

- Добрый день, Екатерина Дмитриевна, - Кирилл протянул свою руку хозяйке дома, - как поживаете, как самочувствие?

- Ноги у меня.

- Да, да. Александр Иванович мне уже сказал. А я вам мазь, - Кирилл достал из кармана тюбик и положил его на тумбочку, - импортную принес. Сейчас сами знаете с импортными у нас напряженка, но для вас, как матери героя, у нас дефицитов нет!

- Спасибо, Кирюша, спасибо, - поблагодарила Екатерина Дмитриевна, - эта мазь мне очень помогает.

- Мажьте на здоровье... раз помогает.

- Саня, - обратилась хозяйка к супругу, - ты чайку организуй для гостя. Там в ящике и пряники тульские остались. Любите пряники, Кирилл?

- Люблю, люблю, но у меня как в том фильме цигель цигель ай лю- дю, - гость постучал по циферблату дорогих часов, - времени в обрез. Поэтому я бы хотел сразу приступить к делу.

- А что за дело, Кирюша?

- Ну, как же, - удивился благовонный молодой человек, - дело, о котором я вам рассказывал.

- Это про гробовые что – ли? Вступил в разговор хозяин квартиры.

- Я бы не стал их называть. Гость смущенно улыбнулся.

- А как же их еще – то называть?

- Я бы назвал их, - Кирилл на мгновение задумался, - пособием, а еще лучше вспоможением!

Так обдумали вы мое предложение по вспоможению?

- Обдумали, - ответил Быстрый, - все обдумали.

- И что вы решили, - осторожно поинтересовался Кирилл, - по этому вопросу?

- Да как – то, - ответила на вопрос Екатерина Дмитриевна, - это самое не очень понятно. Если бы мы понимали, как оно все, а так мы не понимаем и поэтому затрудняемся.

- А что ж, - поинтересовался гость, - вам не понятно?

- То и не понятно, - ответила хозяйка, - мы тут с тобой договор на гробовые...

- Вспоможение. Поправил Кирилл.

- Да, хоть как их назови, а сын то Вася наш вроде... как живой. И что ж это ...

- В том то и дело, - ритмически запрыгал на стуле парфюмированный визитер, - что вроде как... сейчас вот прямо сейчас живой, а через мгновение уже вроде, как бы... не дай Бог конечно... и неживой. Тут, Екатерина Дмитриевна, и в мирное время человек внезапно смертен, а уж на фронте... сами понимаете. И потом начнется у вас. Выбивание этих самых гробовых. Простите вспоможения. Большой вопрос получите ли вы его, а я вам в тот же день... похоронку мне в руки отдадите, и я вам сразу все выплачу.

- На десять, - заметил Быстрый, - процентов меньше и еще пять тысяч задатка тебе на лапу дай, а это, между прочим, пенсия моей хозяйки.

- Да пенсии у нас маленькие,- согласился с хозяином благовонный гость, - можно сказать мизерные, но это согласитесь не моя компетенция. Я занимаюсь помощью попавших в беду людей, и эта моя деятельность должна оплачиваться. Это конечно не у плавильного станка, как вы Александр Иванович, стоять, но тоже знаете не денежный печатный станок в гараже имею. И туда сходи, и сюда сбегай, и у кого надо подпиши, и в лапу кому нужно сунь. А вы -то вспоможение в денежном эквиваленте получите ого — го!

- Ты мне тут песни не пой, - оборвал визитера хозяин квартиры, - твоя выгода мне понятна, а моя то в чем?

- Да, я вижу, - резко вскочил со стула Кирилл, - мы с вами на разных языках разговариваем. Я пошел. Меня другие клиенты ждут. Петровы в вашем доме живут?

- Генка Петров, - в глазах хозяина квартиры мелькнул живой интерес, - тоже с тобой дело имеет?

- А как же, - воскликнул гость, - у меня в вашем районе десять человек в клиентах ходят. Так, что я пойду.

- Куда, куда, - остановил Кирилла А И Быстрый, - сядь, посиди, остынь. Вишь вспыхнул, как пламя в моей доменной печи. Я ж только спросил. В чем моя выгода.

- Чего это твоя, - вступила в разговор хозяйка, - ишь твоя. Не твоя, а наша.

- Наша, наша, - заворчал Быстрый, - ноги лучше мажь. Зря что – ли тебе мазь принесли.

- Выгода простая. Случись не дай Бог, - Кирилл неумело перекрестился, - беда. Убьют вашего сына и начнутся ваши мытарства по организациям и инстанциям. Там сами знаете - это принеси, то предоставь. Замордуют вас на многие месяцы и не вопрос получите вы вспоможение или нет. Да, что я вам рассказываю. Вы спросите у Семеновых с

третьего подъезда. Они вам расскажут, как они ноги избили и ноль целых и столько же десятых получили. Я же вам гарантирую, что вы получите полагающееся вам пособие в тот же день... как получите соответствующие бумаги.

- Мне вот тоже страховая компания гарантировала, - недовольно заворчал Быстрый, - выплату в случае несчастного случая, а как он случился... так не хрена и не выплатили.

- Ты пьяный был, - остановила супруга хозяйка, - потому и не выплатили.

- Трезвый я. Трезвый. Возмутился Быстрый.

- Трезвый он, остановила супруга Екатерина Дмитриевна, - да, когда ты трезвым бываешь!

- Ну, это вы напрасно, - вступился за хозяина квартиры Кирилл, - сегодня Александр Иванович, например, трезв, как стекло.

- Сегодня еще только день начался, а ты к вечеру приди, посмотришь на это стекло.

-Вечером, вечером, - передразнил супругу Александр Иванович, - мне сегодня во вторую смену. Вечером.

- Ну, вы эти семейные вопросы, - улыбнулся визитер, - решайте без посторонних. Кому в какую смену и сколько кому пить, а я действительно спешу... так

что давайте ближе к нашему общему делу. Если вы согласны, то вот бумаги. В них уже все заполнено. Вам только и нужно Александр Иванович, что поставить свою подпись.

- Чего это его, - возразила Екатерина Дмитриевна, - я его рожала... стало быть моя подпись должна стоять.

- А если бы не я... родила б ты!

- Да, лучше б я от тебя не рожала.

- Тихо, тихо, - остановил спорящих супругов Кирилл, - зачем же, кипятиться, поднимать себе артериальное давление, когда вопрос решается мирным путем. Пусть каждый поставит свою подпись.

Кирилл сложил бумаги и оставив после себя благоволение весеннего сада удалился.

Через несколько недель. По решению военной комиссии Василия Быстрого комиссовали «ввиду тяжелой контузии» Неделю Василий пропивал вспоможение, выданное ему военным ведомством за контузию, а когда деньги закончились он взломал самопальный сейф, в котором Александр Иванович хранил свои гробовые. С Александром Ивановичем чуть не случился удар, когда он увидел пропажу.

Как только Василий появился домой. Быстрый схватил топор и бросился на сына с криками.

- Да, я тебя. Да меня. Да ты. Да за гробовые. Порублю падлу!

- Меня? Порублю, - заорал Василий, наливаясь праведным гневом обделенного всеобщим вниманием героя войны, - для того я под Лисичанском в танке горел. Для того в Мелитополе кишки по асфальту собирал. Что б ты меня топором! Убью суку!

Василий мощным хуком отправил отца под стол, на котором тот недавно подписывал бумаги о вспоможении в случае гибели сына героя.

- Сынок. Не бей, не рушь, - заголосила, как по покойнику Екатерина Дмитриевна, - то ж отец твой. Не бери грех на душу. Он ж тебя на свет породил. Ой, ой... люди... ратуйте!

- А что он падла денег герою пожалел! Привел железный мотив Василий.

- Ой, ой. Так-то ж его гробовые. Он их несколько лет собирал, - продолжала вопить Е.Д. Быстрая, - пенсию откладывал, а сам у печи адской в три смены стоял. Ой, что ж это делается. Ой, ой.

- Да ты посмотри на него, - Василий ткнул ногой стонущего отца, - он же еще сто годов проживет. Насобирает еще. Убью падла!

- Сынок не трогай его тебя ж посадят. Ой, ой. Спасайте. Ратуйте!

- Дай две тысячи не трону.

- У меня только тысяча, - переходя на деловой тон сказала Екатерина Дмитриевна, - и та последняя. Не дам.

- Дай, я тебе вечером отдам. Горит у меня все внутри. Потушить надо. Дай, а то и ты, - Василий пнул отца ногой, - рядом с ним ляжешь. Обоим кровь спущу!

- На. Бери,- Екатерина Дмитриевна вытащила из кармана халата кошелек, - бери кровопийца последнее. Оставь мать без куса хлеба. Рожала, думала мне сын на старости лет стакан воды подаст, а он последнее отбирает.

- Последнее. Сказал же вечером отдам.

Василий взял деньги и вышел из квартиры.

- Вставай, вставай, - приказным тоном сказала Екатерина Дмитриевна, - разлегся тут.

- Вот вырастил, - сплевывая кровь, пробормотал Быстрый, - на свою погибель сынка. Лучше бы его под тем самым Лисичанском и положили. Так бы хоть гробовые получил, а не в рожу ногой!

- Да это ж сын твой. Как же ты такое говоришь!

- Мой. Мой. Только ты мне скажи на какие шиши ты меня хоронить теперь будешь?

- Ты еще ж не сегодня, - возразила супруга, - помираешь. Насобираем еще.

- Насобирает она – это тебе что грибы... взял корзину и насобирал. У меня уже сил не осталось у печи этой проклятой стоять, а на пенсию чего насобираешь.

На следующее утро Александра Ивановича и Екатерину Дмитриевну вызвали в городской морг для опознания тела.

Супруги признали в нем своего сына Василия и поставив свою подпись в протоколе вернулись домой.

- Ой! Ой! На кого ж ты отца мать покинул, – голосили нанятые Екатериной Дмитриевной плакальщицы у гроба героя, - уж погиб ты да за быстрыми-то за реками, где кровь текла да реками...

Самозванец

Утро обещало солнечный день, но к обеду голубое весеннее небо заволокло серыми тучами и начался дождь.

Супруги (люди возраста, определению которому между 60 – 80 в данный момент ищут психологи, социологи и работники пенсионного фонда) Родион и Ирина Кочевниковы остановились возле массивного здания эпохи сталинского ампира.

- Скажите, - обратился Родион к выходящему из здания молодому лейтенанту, - здесь находится военкомат?

- А вы что читать не умеете. Тут же белым с черными написано. Во-ен-ко-мат.

-Ну, что вы так, гражданин. Я ж только спросил.

- А я только ответил.

Лейтенант поправил фуражку и пошел вниз по улице Подгорной.

- Ну, и народ, а еще военный, - сказал Кочевников, провожая недовольным взглядом незнакомца, - не успеешь рта раскрыть, как он тебя облает хуже бешеной собаки.

- Скажи спасибо, что только облаял, а не покусал!

С этими словами супруги вошли в мрачный вестибюль.

- Как будто в машину времени попал.

- В смысле?

- Да ты посмотри вокруг, - ответил Кочевников, - вроде как савейская власть никуда и не девалась. Масляные стены, дерматиновые двери, ковровая дорожка.

А вот кажется и наш кабинет.

Кочевников открыл дверь с табличкой «Военком Н. Н. Киселёв»

- Здравствуйте, товарищ полковник.

- Я не полковник, а подполковник.

Не отрывая от бумаг головы, сказал сидящий за столом человек.

- От подполковника до полковника ближе, чем от февраля до марта.

Улыбнулся Кочевников.

Военком оторвал голову от бумаг. Взглянул на пришедших красными толи от усталости толи от пьянки глазами. Привстал и поинтересовался с характерной для военных хрипотцой.

- Вам чего, граждане?

- Да тут такое дело. Получили мы пакет, - Родион Иванович протянул хозяину кабинета конверт, - написано, чтобы мы явились в военкомат. Вот мы и явились.

Военком взял в руки конверт. Повертел его в разные стороны, посмотрел на свет и только что не покусал.

- Ага. Понятно. Вы вот что. Посидите тут минуточку. Я сейчас.

Полковник закрыл сейф. Вышел и запер визитеров на ключ.

Кочевниковы присели на стулья, что длинной линией тянулись вдоль стены.

На дворе шумел ветер, по давно немытому окну барабанил дождь. В кабинете пахло сигаретными бычками и невыразимой тоской.

Прошло минут пять. В замочной скважине заворочался ключ. В кабинет вошли двое. Знакомый уже Кочевниковым военком и майор с эмблемами артиллериста.

- Вот и они. Указал на Кочевниковых военком.

- Похожи, похожи, - внимательно разглядывая Кочевниковых, говорил майор артиллерист, - глазами на мать, а подбородком и ушами на отца. Даже и ДНК делать не нужно.

- ДНК. Какое ДНК. В чем дело, товарищ?

- Давайте, Родион Иванович, по-простому без всяких там церемоний, майор, товарищ, - сказал, протягивая руку артиллерист, - зовите меня по фамилии. У меня

исконно русская фамилия. На ней вся наша страна держится. Иванов моя фамилия. Но вы зовите меня просто по имени Алексей... Имя мне конечно один деятель подпортил, но, как говорится, не имя красит человека. А знаете, что. Называйте меня Леша. Меня так родители зовут, а вы по возрасту как раз моими родителями приходитесь.

- Хорошо, - согласился Кочевников, - Алексей так Алексей. Только вы мне Леша объясните насчет ДНК. К чему оно. Случилось чего?

- Случилось, случилось. Дорогой вы мой, Родион Иванович.

- А чего случилось? Вставая со стула поинтересовалась у майора Ирина Кочевникова.

- Да, вы сидите, сидите, Ирина Николаевна, - ласковым голосом произнес артиллерист, - в ногах, как известно, правды нет. Случилось, дорогая вы моя! На войне сами знаете много всякого случается.

- На войне? Какой войне. Поинтересовался Родион Иванович.

- Не на войне. Конечно не на войне, - спохватился артиллерист Иванов, - а на спецоперации по этой как ее? де фека ли зации и дема тели рации. Ну, или что-то в этом роде. Я все никак не запомню.

- Денацификации и демилитаризации.

Без запинки подсказал майору военком.

- Правильно. Правильно, - товарищ подполковник, - вот на них на этих самых демо —рация - фикация все и случается. Все происходит. Не так как ожидаешь. Не так как надеешься.

- А точнее можно. Попросил Кочевников.

- Можно, Родион Иванович, можно, дорогой вы мой человек, и даже необходимо, - ответил с грустью в голосе майор, - да, вы присядьте. Присядьте. Я сейчас. Я мигом.

Майор с исконно русской фамилии, налил из графина в граненный стакан воды, жадно (видать вчера хватил лишку артиллерист) выпил, достал из кармана бумагу, развернул ее и принялся, перейдя на торжественный тон, читать.

- ...В ходе спецоперации показал пример высочайшего героизма, за что представлен к награждению орденом Мужества посмертно.

Майор сложил бумажку. В кабинете повисла тревожная пауза.

- Кто показал пример героизма посмертно?

Поинтересовался Родион Иванович. Майор Иванов вновь развернул бумажку.

- Показал пример героизма... так... так. Игорь Родионович Котельников. Я так понимаю – ваш сын. Поэтому прошу, как говорится, принять мои искренние соболезнования.

- Игорь погиб? Спросила Котельникова.

- Да, Игорь Родионович. Ваш сын или ошибка может какая вышла?

- Наш. Наш

Ирина Николаевна опустилась на стул и заплакала. Родион Иванович сел рядом и обнял жену за плечи.

- Я понимаю. Я понимаю. Беда. Беда. Трагедия. Но мы окажем вам всяческую помощь, - заверил военком, - мы своих героев не бросаем. Никто, как говорится, не забыт и ничто не забыто. Организацию похорон, отпевание, поминки и выплаты за смерть сына... все организуем на высшем уровне. Вам поможем... если что надо по хозяйству. Примите наши самые искренние соболезнования.

- Спасибо. Мы, пожалуй, пойдем. Сказал поднимаясь со стула Кочевников.

- Куда ж вы пойдете в такой-то дождь. Я сейчас позвоню и вас на машине отвезут. Подполковник и впрямь позвонил и через несколько минут лично усадил родителей героя на заднее сиденье военкомовской машины.

В морг воинского госпиталя ГКУ 482 вошел молодцеватый капитан и поинтересовался у катившего тележку санитаря.

- Где у вас тут начальство?

- Вот там.

- Понятно.

Капитан направился к указанной двери

- Вам чего, капитан.

Поинтересовался сидевший за столом пожилой человек в мятом и несвежем медхалате.

- Двухсотого забрать. Номер 356. Есть такой у вас?

Пожилой человек полистал журнал.

- Есть.

- Готовьте его к транспортировке.

- А ДНК у вас на него есть?

- Майор Савельев сказал, что он и без ДНК понял, что они родственники.

- Ну, если Савельев сказал, то забирайте.

- Что я его сам покачу?

- Зачем сам. Вы скажите, где ваш транспорт стоит, и наш санитар туда его привезет

- Кого его?

- Труп. Кого ж еще.

- А понял. Машина моя во дворе на стоянке номер восемь.

Пожилой человек снял трубку.

- Николай. 356 двухсотого кати на стоянку номер восемь. Никаких обедов. Обед у тебя через десять минут начинается, а работы тебе на пять. Выполнять я сказал! Что? Это приказ! Понял. Ну, и хорошо, а то смотри у меня... будешь пререкаться отправлю на передовую раненых таскать. Сам у меня тут грузом двести будешь лежать!

Спустя несколько дней. В церкви Петра и Павла состоялось отпевание награждённого орденом Мужества посмертно - артиллериста Игоря Родионовича Кочевникова.

- Господь и Бог наш, Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия да простит ти чадо Игоря, и аз недостойный иерей власти Его мне данную прощаю и разрешаю ты от всех грехов твоих, во Имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Закончил обряд отпевания батюшка Василий и гроб с телом ново преставившегося раба Божия вынесли из церкви. На кладбище было много речей, обещаний не забыть, не простить, и оставить на веки в сердцах благодарных потомков.

Вскоре на солидную компенсацию за сына героя Кочевниковы (купили у покидавшего Родину либерала) симпатичный домик с приличным земельным участком на котором уже цвел и колосился урожай фруктов и овощей.

Родин Николаевич закончил поливку огурцов. Присел на крыльцо. Закурил. Выпустил в мире идеальное дымовое кольцо и сказал:

- А знаешь, мать, грех или два, а без Игоря легче.
- Ну, как ты так можешь говорить, Родя?
- А вот так и могу, - возбудился Родион Иванович, - сама вспомни, пьянки, гулянки, сколько мы на взятки дали, чтобы его не закрыли. Ну, разве не так?
- Так. Так, - согласилась супруга, - может оно и впрямь так лучше и для него, и для нас, и для всех.
- Вот именно, а то ведь или он бы кого зарезал, или его бы порешили, а так лежит героем и нам почет и уважение. Ну, пойдем что – ли обедать. Ты чего приготовила.
- Щи.

- С капустой с нашего огорода?

-Конечно!

Не прошло и месяца тихой безмятежной счастливой жизни, как чета Кочевниковых вновь сидела в кабинете военкома.

- Одну минуточку, - сказал военком и вышел (не закрывая в этот раз на ключ Родиона Ивановича и Ирину Николаевну) в коридор.

Дверь открылась и военком, указав на супругов, сказал:

- Вот и они.

- Здравствуйте. Здравствуйте, - воскликнул знакомый уже майор артиллерист, - а у меня для вас известие!

- Но у нас только один сын и тот уже погиб.

Поспешил заверить артиллериста Кочевников.

- Знаю, знаю, уважаемый... забыл, как вас... ага Родион Иванович, что у вас один сын и он живой. Живой. Живой ваш сынок!

- Как живой. Воскрес что- ли?

- Да, Бог с вами, - махнул рукой майор, - он же не Бог, чтобы воскресать. Ошибочка просто вышла. Погибший однофамильцем вашим оказался.

- И что теперь будет. Вступила в разговор Кочевникова.

- Ну, как что. Надо будет встречать сына. Накрывать стол. Приглашать друзей, знакомых. Праздновать новый день рождения вашего сына.

- А с тем, что на кладбище лежит чего делать?

Майор почесал затылок и вынес решение:

- А тот пусть пока полежит. Имя отчество вашего сына мы с памятника конечно уберем, а найдем родных перевезем его куда скажут.

- А с деньгами что?

Поинтересовались в унисон Кочевниковы.

- Какими деньгами?

- Ну, этими. Как его.. .

- Гробовыми. Подказала Ирина Николаевна.

- А этими, - протянул майор, - надо будет вернуть государству.

- Как вернуть!? Мы же на них уже участок купили. Капусту растим, помидоры, сливы у нас и яблоки.

- Придется продать, - развел руки майор артиллерист, - продать и деньги вернуть.

- А если мы за те деньги не продадим?

- Отдадите сколько выручите, а остальные будете ежемесячно с пенсии выплачивать.

Показал знания бухгалтерии артиллерист.

- Нет мы не согласны, - заявила Ирина Николаевна, - мы так не договаривались. И вообще новый не наш сын?

Майор с удивлением взглянул на Кочевникову:

- А кто ж он?

- Самозванец.

Ответил за супругу Родион Иванович.

- Ну, вот же фото. Один в один вы.

Майор показал фотографию

- Вы в прошлый раз говорили, - повысил тон Кочевников, - что тот наш сын и ДНК делать не надо. Так он на нас, сказали, похож. А теперь другого нам подсовываете. Может вы через неделю еще одного откопаете.

- Но мы, - вступил наконец в разговор военком, - в этом раз сделаем ДНК.

- Какое ДНК, - завопила Ирина Николаевна, - я никого ДНК сдавать не буду. Мой сын погиб, похоронен и точка. А если что... так я до президента дойду. До патриарха доеду. Ничего я дам вам жизни.

- Да, вы успокойтесь, - взял примирительный тон майор, - что ж вы так разгорячились. Может вы и правы. Не хотите делать ДНК не надо. Мы ж не настаиваем. Мы разберемся мы ж не настаиваем и силком вам его домой не везем. У него до окончания контракта еще несколько месяцев. Так, что вы можете идти. Извините за беспокойство.

Кочевниковы встали и пошли к выходу. Уже в дверях Родион Иванович обернулся и сказал, обращаясь к майору:

- Вы, Леша, к нам на домой заезжайте. Мы вас с щами с капустой с собственного огорода накормим. У меня и первачок есть. И вы товарищ подполковник, - обратилась к военному Ирина Николаевна, - тоже приезжайте. Щей, да каши на всех хватит.

- Благодарим, благодарим, - улыбнулся военком, - вот маленько дела разгребём и приедем. Так товарищ майор?

- Обязательно, - заверил артиллерист, - заедем. Отчего ж не заехать.

Кочевниковы вышли из кабинета и пошли по коридору. В нем уже кипела работа по его капитальному ремонту. Со стен была содрана масляная краска, убрана ковровая дорожка, а дверной дерматин валялся на грязном полу.

Через неделю после разговора в кабинете военкома Котельников Игорь Родионович погиб при невыясненных обстоятельствах и тело его было сожжено в печи мобильного крематория.

Родион Иванович и Ирина Николаевна готовятся к сбору уродивших в этом году яблок.

Чернушка

Весенний теплый день, в провинциальном городе Ставропольске, клонился к закату. Из отваренного окна панельной пятиэтажки доносили звуки песни.

«Как упоительны в России вечера»

На центральной улице (как у Чехова. На вокзале Николаевской железной дороги) встретились два приятеля.

- Иван, - изумился, похожий на бойцовскую собаку, молодой человек, - Зорькин? Здорово бродяга!

-Даня. Тыркин Ты что ли?

Воскликнул, напоминающий циркового пуделя, Иван.

- Я. Только не Тыркин, а Дыркин.

- Точно! Точно. Дыркин. Даня Дыркин. Ну, как живешь, братела?

- Поставь пузырь – расскажу.

- Не вопрос! Где у вас тут есть что – то приличное?

- Пили Ели.

- Это что?

- Название такое. Типа кафе.

Приятели отправились в закусочную Пили Ели. То, что там пили и ели было заметно, а вот что хоть когда-то убирали не очень. Заказали водки, беляшей.

Выпили, закусили и повели беседу за ёмоё

-А ты где сейчас? Поинтересовался Дыркин у Зорькина.

- В столице, братан, в столице.

- А че там делаешь?

- Ну, так разное, - уклончиво ответил Иван, - ты то как. Чем живешь?

Даня унылым голосом произнес:

- Мечтой.

Не лишенный образования Зорькин произнес:

- I have a dream.

- Че за?

Осведомился, закончивший на
неудовлетворительные оценки школу Дыркин.

- Был такой в пиндостане чел. Он за черных
впрягался.

- А че за них впрягаться, - удивился Даня, - черные в этой пиндосии, как хер от виагры стоят. Не то, что мы!

- Это они сейчас стоят, - жуя беляш заметил Зорькин, - а раньше они типа обиженных на зоне ходили. Это не трогай, это обходи, потому что белый мэн мог зафаршмачитца, зашквариться. Так вот у этого чела была мечта сделать черных равными с белами. И белые его за это замочили.

- Ну, че... правильно сделали, - согласился с белыми американцами Дыркин, - зафаршмаченным ходить не в масть.

Приятели вгрызлись зубами в беляши.

-Ну, - продолжил беседу Иван, - а у тебя что за мечта. Типа поймать сома на два пуда в вашей Сучовке.

- А че сразу сома. Сома. На хер его ловить. Динамит кинул... У нас тут завод динамитный недалеко, - Даня кивнул головой в сторону городского моста, - Так не только сомы, а щуки, и лещи, и окуня кверху пузом всплывут...

Дыркин икнул и поинтересовался:

- Ты женатый уже?

- Да. Ответил Зорькин

- Я тоже тут с одной. Ниче такая. Рыжая. Грудь во! Задница тоже ништяк. Готовит, стирает, дает (Даня хитро подмигнул) как надо. Но понимаешь ты машину она хочет. Танюха моя. Зовут ее так. Разбейся, а машину достань. А зачем она ей машина эта? Не знаешь. Так я те скажу. Мечта у нее такая. Хочет она на заднем сидении в ней жариться.

- Что?

-Ну, трахаться.

- А...

- В детстве в кино такое видела, - пояснил Даня, - запала она на это самое... сиденье. Купи и купи ей блин машину, а где бабло взять. У нас же в Ставропольске, сам знаешь, заработать негде и ограбить некого. Я говорю давай одно сиденье купим, а она нет. Сиденья ей мало. Вот и думай.

- Нашел мне тоже думалку, - усмехнулся Иван, - когда сегодня деньги прямо на дороге лежат!

- И где те дороги?

- А то ты не знаешь.

- Это типа бендеровцев ехать мочить?

- Ага. За это хорошие бабки платят. И машину купишь еще и останется Танюхе на сексуальные трусы.

Иван сально улыбнулся

- Ты за базаром то следи.

- А что я такого сказал. Трусы они и есть трусы. Предмет гигиены. У меня пару знакомых оттуда вернулись при холодильниках, при айфонах. И все бесплатно.

- Как бесплатно?

- А вот так. Боевые трофеи. Знаешь про такие. Книжки про войну читал, кино смотрел.

- Трофеи. А если там меня быстрее трофеев завалят?

- А ты, - ответил на это Иван, - сделай так, что б не завалили.

Зазвонил айфон.

- Зорькин слушает.... Понял Иван Иванович сейчас буду. Ну, братан, мне пора. Меня в одном месте ждут.

Друзья пожали друг другу руки. Иван вышел из кафе, обернулся и сказал:

- Если надумаешь, скажешь в военкомате, что это я тебя прислал. Тебе место хорошее найдут.

Вечер уже переходил в ночь, когда Даниил Дыркин явился домой. Танюха сурово взглянула супруга:

- Опять нажрался.

- А че сразу нажрался, - возмутился Даня, - ну, выпил. Встретил одноклассника Ивана Зорькина. Помнишь такого.

- Откуда мне знать всех твоих алкашей.

- Он не алкаш. Он в столице живет.

Привел железный аргумент Даня.

- Как будто в столице алкашей нет.

- Да, не алкаш он. Я тебе говорю. Нормальный пацан. Он мне дело предложил.

- Кредит ему на твое имя взять.
- Заработать, где можно сказал.
- И где?
- В Караганде.
- Это где ?
- Что ты мне тут что, где, когда. На войне. Солдатом записаться.
- Вот это правильно.
- Правильно, а если убьют меня там.
- А ты сделай так, чтобы не убили. При кухне там, или при штабе каком.
- Да, при каком блин штабе, когда я в одном слове три ошибки делаю.
- Полы мыть грамматику знать не надо.
- Полы. Я что опущенный какой.
- А то ты тут приподнятый! Езжай. Я тебе говорю. Денег привезешь. Машину купим.

- И на заднем сидении жарится будем. Усмехнулся Иван.

- Будем. Будем, - заявила Танюха, - не, ну правда Даня. И холодильник привезешь, и стиралку, и айфон последний. Поднимемся.

В эту ночь Даня практически не спал. Жарил свою Танюшку, как никогда прежде. Ох, и хороша она была. Настоящая Римская ночь средней полосы России. И так Танюха поворачивалась, и так она вставала, и так брала, и куда хочешь давала. Одним словом, не любовь, а жесткая порнуха! Но как после такой любви не пойти на подвиг!

Красное солнце медленно, как бархатный занавес в провинциальном театре, опускалось за кромку темного леса. Вскоре большую цветочную поляну уже освещала голубоватым светом полная луна. У кромки леса, к которой примыкала поляна, остановилась машины. При определенных обстоятельствах ее можно было принять за НЛО.

Мотор заглох и из машины вышли: крашеная блондинка среднего роста с пухлыми, как у карпа губами и жгучий шатен с длинной, как у щуки челюстью.

Шатен сделал несколько приседаний приводя в порядок отекавшие члены. Блондинка открыла заднюю дверь и уселась на заднее сиденье.

- Иди сюда, Андрюха.

- Ты, что, Танюха. На сиденье собралась любовью заниматься. Пойдем лучше на поляну.

- Нет, я здесь хочу.

- Так здесь же тесно.

- Это ж хорошо. Лучше будем чувствовать друг друга.

Шатен Андрей забрался в салон. Вскоре оттуда донеслись сладострастные крики блондинки Танюхи:

- Еще, еще. Еще, еще. Глубже. Глубже. О.О.О.

- Тихо ты, - прикрикнул на нее Андрей, дергая оголенными ягодицами, - услышат же.

- Кто волки. Ах, ах. Еще еще, милый. Давай по собачьи.

- Я тебе, что акробат, - возмутился Андрей, - кульбиты тут выделывать. Давай кончай скорей. У меня жопа замлела и ноги.

- Сейчас. Сейчас еще два качка и все. И все о...

Наконец Танюха слезла с Андрея. Надела кружевные стринги и закурив, произнесла романтическим тоном:

- Сбылась мечта...

Машина тронулась с места и поехала по ухабистой лесной дороге.

- А что это у тебя в багажнике стучало. Поинтересовался Андрей, когда они выехали на относительно ровное шоссе.

- Так это пепел Данилы.

- Не понял.

-Коробка железная с пеплом Данилы. Я ж машину на его гробовые купила. Вот и беру с собой, когда на любовь еду. Он же тоже хотел в машине отжарится.

- И много ты его с собой навозила.

- Ты третий.

- Счастливое число. Заметил Андрей.

В это время на встречу выскочил внедорожник.

- Стой. Стой, - закричал Андрей, - вправо бери. Вправо.

Танюха крутанула руль вправо. Машина, сделав несколько кувырков, слетела в овраг.

Патруль ДТП, что прибыл на место аварии, констатировал полное разрушение транспортного средства «Легковой машины Lada Granta» и смерть двух чел. — предположительно жен. и муж. пола

Сгоревший остов Лады Гранты отбуксировал к себе домой пожилой фермер Стас Корабельников.

В багажнике он нашел металлическую коробку, высыпав из нее содержимое он заполнил ее сапожными гвоздями. Заднее сидение машины он покрыл одеялом и теперь на нем (под некогда любимую песню Стаса «хмурится не надо Лада») высиживает яйца породистая (голландская черная) курочка «Чернушка»

Пушистых желтеньких цыплят с удовольствием покупают жители окрестных деревень.

Корпоратив

Хозяин Северной области Емельян Палыч Богомол сидел под сенью дубовой рощи и потягивал (через соломинку) коктейль Кровавая Мэри.

- Ну, где ж они?

Ежеминутно интересовался губернатор у своего охранника Вани - стокилограммового двухметрового гиганта.

- Не могу знать. Отвечал Ваня, пожимая могучими плечами.

- А ты сходи на ворота. Поинтересуйся. Может там знают. Может случилось чего?

- Не могу... по инструкции... я всегда должен при вас быть. А если что... так я могу и позвонить.

- Ну, так позвони... если что. Стоишь тут истуканом!

Ваня достал из кармана внушительного размера айфон:

- Алло КПП. Приехали люди?

Ваня несколько минут молча слушал. Хмыкнул и утопив айфон в своем бездонном кармане, сказал:

- Приехали уже, сюда...

Не успел Ваня закончить фразу как на поляне появился человек.

- Добрый день.

Человек нежно сдвинул губернаторскую ладонь.

- Здравствуй. Здравствуй. Ты у нас кто, - освободив ладонь, поинтересовался губернатор, - напомни?

- По МВД я поставленный... Андрей Петрович Криво – Шейнин.

- Правильно. Правильно, - губернатор обвел взглядом управляющего МВД, - а что это ты при костюме и галстуке. На праздник что – ли какой собрался?

- Для меня встреча с начальством - всегда праздник.

- Ну, ты прям как в кино, - сделал недовольную гримасу губернатор, - у меня тут давай без либерастических церемоний. Праздник! Ты разденься. Не тушуйся. Я вон сам... видишь... в трусах и майке. Если у тебя трусов и майки нет... так я велю горничной тебе их принести.

- Не стоит беспокоится, господин губернатор, я и так посижу. Тут так прохладно... под кленами.

- Да какие же это клены, - Богомол изумленно взглянул на управляющего МВД, - этот ж дубы. Вон под ними и желуди валяются. Видел ты, когда – нибудь, чтобы под кленами желуди лежали. Если только специально кто принес, а так не. Нет у кленОв желудЕв.

Губернатор заливисто рассмеялся. Криво- Шейнин виновато улыбнулся:

- Прошу меня простить, но я не очень в ботанике... секу.

- Вижу, что не сечешь. Вижу. Ничего это мы с тобой наверстаем. У меня знаешь какой парк. Я в нем все деревья мира собрал. Даже пальмы морозоустойчивые есть.

Губернатор хотел было еще кое-что добавить, но в это время под своды дуба вступил коренастый широкоплечий мужчина.

- Доброго дня, господин губернатор. Поздоровался человек, учтиво приподнимая фетровую шляпу.

- Ишь ты в шляпу вынарядился, - оглядев новоприбывшего сказал губернатор, - ты бы еще перчатки надел. Сними шляпу, пиджак на стул повесь и вообще разденься... тут все свои.

- Да у меня плавок нет, - смутился коренастый, - не думал, что буду загорать.

- А ты в чем есть в том и загорай.

- Голый что ли?

- А у тебя что трусов нет?

- Есть.

- Так чего ж говоришь, что голый. В трусах же не голый. Правильно я говорю, Ваня?

Охранник молча кивнул.

- Ну, пиджак и шляпу сниму, а брюки при себе оставляю.

Мужчина снял шляпу, повесил пиджак на спинку стула.

- Если этот, - хозяин области указал на Криво — Шейнина, - над МВД поставлен... то ты у нас стало быть по ФСБ смотрящий.

- Так точно, господин губернатор. Начальник управление ФСБ по вверенной вам области. Лацканов Александр Васильевич.

- Ну, раз все в сборе прошу к нашему гулагУ, точнее шалашУ... тьфу ты... к столу. Столу!

Емельян Палыч встал со своего складного стула и валкой медвежье походкой направился к прекрасно сервированному столу.

- Прошу, - хозяин Северской области указал своим гостям на стулья, - садитесь или присаживайте, как кому лучшее. Чувствуйте себя как дома в гостях или наоборот не помню. Короче, ешьте, пейте.

Гости сели за стол. Лацканов налил себе холодного кваса и поднося стакан ко рту, поинтересовался:

- А по какому делу вы нас позвали, господин губернатор.

- Что это вы, как сговорились, меня господином зовете. Я вам не господин, а единомышленник. Одно ведь дело делаем. Укрепляем вверенные нам

президентом земли. Или у вас другие какие цели в голове?

- Нет, нет, что вы, что вы. Мы как в той песне. Раньше думай о Родине. Правильно я говорю, Александр Васильевич, - обратился поставленный над МВД к начальнику ФСБ, - о Родине, а потом уж о себе.

- А как же иначе, - кивнул головой Лацканов, - по-другому никак.

- Ох, вы какие, - усмехнулся хозяин области, - патриоты! На войну только не больно спешите.

- На спецоперацию. Поправил губернатора начальник МВД

- Не перебивай, когда старший говорит

- Прошу простить.

Хозяин Северной области продолжил свою речь:

- Уж сколько месяцев... как мы кровь на нацистских полях — лугах мешками проливаем, а не вас, не детей ваши в окопах не видать...

- Я бы хоть завтра пошел, - заверил губернатора начальник ФСБ, - но мне уже за полтинник.

Немолодой для окопов я.

- Ой, за полтинник. Мне уже за шестьдесят, а со мной не всякий молодой на руку потянется. А ну...

давай... ты по МВД который... говорливый...
попробуй!!!

- О, нет.

- А чего так.

- Знаю. Знаю. Знаю я вашу руку. Вы ей медведя
завалите не то, что меня.

- Я... нет, - грустно вздохнул хозяин области, - а вот
батя мой. Если надо было свинью кому в селе
завалить, то ухаживал ее голыми руками.
Немеряной силы был человек. Царство ему
небесное.

Емельян Палыч трижды перекрестился.
Пробормотал что – то отдалено напоминающее
молитву и произнес:

- Вы про фронт забудьте. Считайте, что пошутил я
так. Должен же кто – то и в тылу работать. Типа все
для фронта. Все для победы. Вот я и хочу с вами
поговорить... как нам фронт необходимым
снабдить. А что у нас самое для него необходимое?
Правильно. Люди. Солдаты. Бойцы.

Губернатор поднял рюмку:

- Ну, як кажуть у нас на батьківщині Пан із паном,
а Іван із Іваном.

Гости удивленно уставились на хозяина стола.

- Чего смотрите? Не поняли. Так я переведу.
- Поняли. Поняли, - дружно ответили гости, - но мы не знали, что вы мову знаете.
- Как же мне ее не знать если я в Украине родился. Я ж по паспорту Омелян, а батька мой Павло Богомол был.
- На Украине. Поправил Емельяна Палыча начальник МВД.
- Не понял?
- Надо говорить на, а не в.
- Говорят, что кур доят. А много ты его видел?
- Кого?
- Молока куриного.
- Нет. Только конфеты.
- Какие конфеты?
- Куриное молоко, которые.
- Птичье! Воскликнул губернатор.
- Чего?
- Конфеты птичье молоко, куриная твоя голова!
- Какая разница, - вступил в разговор начальник ФСБ, - в или на. Главное родился. И я предлагаю тост за хозяина стола!
- Так наливай. Приказал хозяин Северских земель.

Начальник ФСБ наполнит рюмки.

- Так я же водку расплескаю, - глядя на полную рюмку с жалостью в голосе сказал начальник МВД,
- жалко ведь.

- Птичку, - кладя на себе на тарелку куриную грудку, сказал губернатор, - и то не жалко. Хотя она объект одушевленный, а водка вещь неодушевленная чего ее жалеть. Вон ее сколько. Ну, с Богом!

Все согласно опрокинули рюмки. Дружно крякнули. Смачно хрустнули малосольными огурчиками. Емельян Палыч взял в руки бутылку перцовки;

-Ну, между первой и второй, пуля не пролетит!

Вновь выпили и принялись смачно закусывать. Наконец Емельян Палыч вытер салфеткой жирные губы:

- Ну, выпили, закусили. Теперь можно и о деле потрещать.

- Про фуа гра из топора

- Что за гра? Удивился хозяин области.

- Да, это у меня подследственный такую присказку имел, - пояснил начальник МВД, - Чуть что он сразу Фуа гра из топора. Вот она ко мне и привязалась.

- А ты ее отлепи и меня слушай.
- Слушаю, Емельян Палыч.
- Я предлагаю организовать нам с вами Корпоратив.
- Новогодний? Поинтересовался Криво – Шейнин.
- Причем тут новогодний?

-Ну, у нас на Новый год организуют корпоратив и на двадцать третий февраль. То есть двадцать третьего.

- А ты в этом смысле, - ковыряя палочкой в зубе, сказал губернатор,- не, я предлагаю создать деловой Корпоратив.

- Это как?

Дружно спросили начальники силовых ведомств.

- А вот накатим еще по одной, огурчик погрызем, и я введу вас голубей в курс дела. Губернатор опрокинул рюмку, забросил в рот черную маслину, выплюнул косточку:

- В общем тут. Сверху, - Емельян Палыч указал пальцем в синее небо, - пришла директива.

Поощрять денежными и разными другими там вознаграждениями тех, кто поставит фронту больше бойцов.

Гости согласно кивнули головами.

- Слышали.

- Я и так... и сяк пробовал, - продолжил Богомол, - не хотят стервецы с нациками воевать. Уже два военкомата сожгли. А оттуда требуют.

Губернатор указал пальцем на неожиданно возникшее на небосводе облачко и продолжил:

- Не выполнишь, говорят... распорядки... с места слетишь. И легко слечу, и вы заодно со мной тоже вылетите, а вам уже сами говорите, за пятьдесят. Так что, надо думать. Как из ситуации выходить. И я придумал корпоратив. Ваша задача. Быстренько. Каждый по своей линии. Организуйте уголовные дела на годных к строевой службе и ставьте перед ними альтернативу. Попасть на зону, где их тут же опустят или пойти с нациками воевать. Понятна моя мысль.

- Так точно. Очень хорошая мысль.

Дружно ответили силовики.

- Ну, тогда действуйте и без всяких там этих либерастических штучек. Раз его, голубчика и на матрас, а нам ордена и поощрение.

- У меня предложение. Сказал начальник МВД.

- Что за оно?

- Может лучше кооператив?

- Какой кооператив?

- Не какой, а просто кооператив. Операцию нашу назвать не корпоратив, а кооператив.

- Это почему?

- Коль мы общим делом занимаемся. То это, как бы, кооператив.

- А корпоратив, - поинтересовался губернатор, - это не общее дело.

- Общее, - согласился силовик, - но оно подразумевает праздность, а у нас деловое предприятие.

- Корпоратив лучше, - заявил начальник ФСБ, - потому что один уже наоткрывал кооперативов. Не его, не страны, не кооперативов.

- Вот это ты верно подметил, - восхитился Емельян Палыч, - в самую суть проник. Как это я сам не догадался. Хотя такая мысль... честно скажу... мелькнула в голове. Ну, давайте за наш корпоратив!

Хозяин стола наполнил рюмки.

- А какое название будет у нашего корпоратив? Поинтересовался начальник МВД

- Рай. Заявил Лацканов.

- Почему Рай? Удивился Емельян Палыч.

- А потому что кто за родину погибнет... тот в рай, а кто нет... тот просто сдохнет.

- Ну, ты, - изумился губернатор, - и голова. Не голова, а госдума! Я б во век до такого не додумался.

Телохранитель Ваня подошел к столу и кашлянув, произнес:

- Прошу меня извинить, Емельян Палыч, но вас супруга «спрашивают»

Ваня протянул губернатору айфон.

- Супруга дело святое. Надо ответить. А вы, голуби, ступайте и в ближайшее время жду от вас результатов.

И результаты появились! Через месяц область была отмечена в президентском указе, а еще через два приехавший с проверкой важный чиновник вскрыл подлог.

Губернатор резко осудил действия своих силовиков и потребовал для них сурового наказания.

Пятнадцать лет лишения свободы. Однако в последнюю минуту тюремный срок был заменен (что благотворно отразилось на выполнении областью плана по поставке фронту бойцов) на воинскую повинность.

Начальник МВД Криво – Шейнин попал в танкисты, а фэсбэшник Лацканов Александр Васильевич в артиллеристы.

Через месяц на них пришли похоронки. Теперь жены бывших силовиков судятся с государством за компенсацию.

Многие регионы страны переняли патриотический почин, по – прежнему возглавляемой Емельяном Палычем Богомолем Северской области.

Мститель

Младший командир Саня Мороз вошел в дом. Деловито осмотрелся и радостно воскликнул:

- Вот! Вот!

- Где? Кто? Боец Самсонов сдернул автомат с плеча.

- Не кто, а что.

Мороз указал на стоявший в углу: высокий, широкий, цветом под нержавейку холодильник марки Веко. Именно такой просила привезти Саню из «спецкомандировки» его молодая жена Тоня.

Ах, Тоня, Тонечка, как Сане не хватает в его суровых военных буднях покатым бедрам и волнующей душу просторной Тониной груди!

Саня подошел (нет, подкрался, приблизился, подступился, подкатился... и все-таки не найти нужного глагола, чтобы описать это магическое действие) к Веко и нежно, точно бедро любимой Тони, погладил его гладкий бок.

- Хороша. Ой, хороша машина.

Командир Мороз вышел из дома, а боец Самсонов принялся с остервенением открывать: дверцы кухонного гарнитура и раздвижные двери шкафов - купе. На пол полетели: вилки, ложки, тарелки, чашки, куртки, шубы и демисезонное пальто.

- Пацаны, - выйдя во двор, обратился Саня к своим боевым товарищам, - помогите загрузить холодильник в машину.

- Гавно вопрос командир. Где машина?

Поинтересовались пацаны: Стрельцов крепкий малый и жилистый Иванцов.

- Сейчас будет.

Саня вышел на дорогу.

- Стой! Стой!

- Чего тебе? Высунув голову из кабины поинтересовался водитель.

- Холодильник на почту отвези.

- Какой бля холодильник. Я снаряды артиллеристам везу. К трем часам надо быть там как штык!

- К трем, - изумился Саня, - а сейчас и двенадцать нет. Успеешь. Давай, подгоняй свое корыто вон к той хате. Мы его загрузим, а до почты тут полчаса езды.

- Ты, че не понял, - заорал водитель, - у меня приказ.

- Хочешь, чтобы я сам машину к почте подогнал. Так это я на раз.

Командир Саня сбросил с плеча АКМ и передернул затвор.

-Э, э, тихо, тихо, - остановил его испуганным голосом водитель, - тормози командир. Где хата - показывай.

Мороз вскочил на подножку:

- Поехали.

Холодильник уже стоял возле ворот.

- Грузи пацаны. Приказал младший командир.

Бойцы взялись за дело. Стрельцов подхватил с одного конца, а Иванцов с другого.

- Раз два. Взяли! Холодильник пошел вверх, но неожиданно выскочил из рук Стрельцова и все тяжестью своей красоты рухнул на ногу Иванцова.

-Ой, ой, - благим матом заорал боец, - ой, пиздец ноге... ой конкретный пиздец!

- Покажи, - Мороз взглянул на ногу раненного, - да херня! До свадьбы заживет.

- Да, я уже женат.

- Ну, так тем более. Через день забудешь про свою ногу.

Вскоре подошли еще бойцы и холодильник был благополучно водворен в кузов машины.

Иванцов оказался прав. Нога распухла, почернела и ее «на всякий случай» ампутировал хирург военно — полевого госпиталя.

- Чтобы этот холодильник в клочья разнесло вместе с этим долбанутым Морозом. Холодильник ему. Чтоб его самого в холодильник покойницкий упаковали. Как мне теперь без ноги к Тане. На хер я ей такой нужен.

Плакался в курилке Иванцов таким же раненым, как и он товарищам.

Иванцову еще повезло. В машину, которая везла с почты бойцов Мороза влетел бендеровский

«Корсар» и ошметки воинов еще долго висели на придорожных столбах и фруктовых деревьях садово - огородных участков.

Ведущий солист кухонного хора! Идеальная вещь для реальной жизни! Холод греющий душу!

Холодильник марки Веко (несмотря на проклятие Иванцова в его адрес) в спецвагоне благополучно прибыл на станцию Зареченск. При выгрузке он выскочил из рук рабочего и всей тяжестью своей немислимой технической мощи обрушился на голову бригадира грузчиков. Бригадира отвезли в больницу.

На вопрос жены пострадавшего:

- Будет жить?

Нейрохирург дал обнадеживающий ответ:

- Будет, но овощем.

- Это все холодильник виноват, - уверял рабочий по вине которого стал инвалидом бригадир, - я тут не причем. Она мне сразу не понравилась это бандура. В смысле холодильник. Точно вам говорю заговоренный он.

- Да не плети,- остановил его инспектор по техбезопасности, занимающийся разбором инцидента, - чего не попало.

- Попало, не попало, - усмехаясь говорил рабочий, - а я тебе точно говорю. У укропов целая битва экстрасенсов колдует.

Железнодорожный состав отправился в путь увозя в своих вагонах боевые трофеи других младших и старших командиров: холодильники, стиральные машины, микроволновки, соковыжималки...

Но в результате «хлопка» сошел с рельс возле села Новоселки. Село в результате возникшего возгорания сгорело дотла. Пламя перебросилось на близлежащие леса, что повлекло за собой экологическую катастрофу региона.

- Осторожно, ребята, осторожно, - наказывала грузчикам Тоня, - а то не дай Бог упадет.

- Не учи ученых, - отвечали ребята Тоне, - мы в курсе, что да как. Уже перегрузили этих холодильников до хера и трошки.

Ребята (без опасных для жизни и здоровья инцидентов) поставили холодильник на место, которое указала им Тоня.

- А, это вам, - Тоня вытащила из ящика стола бутылку мутной жидкости, - первачок. Батя мой сегодня утром специально для обмывки выгнал.

- Ну, спасибо, Тонька, - поблагодарили ребята, - если Саня еще чего от укропов пришлет. Зови. Поможем.

Однако хлопцы уже не помогут Тоне. На следующее утро их окоченевшие тела нашли на лесной поляне.

Вскрытие показало, что смерть последовала в результате отравления алкогольным суррогатом.

Тоня даже поругала отца:

- Батя, ну ты хоть проверяй, что гонишь. Ладно эти. Туда им и дорога алкашам, но мы ж его тоже пьем.

- Да я тебе слово даю, - рвал на себе рубаху отец, - все было как надо. И брага выстоялась, и аппарат у меня новый. Кузьмич пил, и сестра евойная Тамара употребляла и мужа своего Федора угощала и все слава Богу живы и здоровы. Может они еще чем догонялись? Иди проверь сейчас. А у меня все железно. Никакая экспертиза не подкопается!

Неделю солист кухонного хора работал, как швейцарские (надежно и точно) часы, а затем стал барахлить.

- Почистить его надо. Посоветовала мать.

- Да он же чистый. - Тоня отварила дверь холодильника, - сама посмотри.

-Почистить, в смысле освятить, - сказала мать и перекрестилась, - может его тамошние Фашизды заговорили.

- Да, ну тебя в самом деле. Фашизды. Коммунизды.

- Ну, смотри сама...

Сказала мать на прощание.

Тоня, однако послушала родительницу, отключила холодильник. Вытащила из него содержимое.

Помыла, протерла, просушила, зажгла в нем свечку и прочитала, сбиваясь и путая слова «Отче наш» Закончив процедуру чистки и освящения Тоня вставила штепсель в розетку.

В ней что – то зловеще затрещало, заурчало, затем из нее выскочил сноп фиолетово - синих искр.

Вечером к Тоне зашел отец на предмет дегустации новой порции самогона.

- Ой, ты мать тролля - ля. Воскликнул он, увидев, обгорелую до неузнаваемости дочь, лежащую на полу возле «солиста кухонного хора» холодильника марки Веко.

- А я говорила, - причитала мать над пахнувшей сырым песком могильной ямой, - а я предупреждала. Освяти. Позови батюшку. Но она ж не слушала. Она ж умная. Они сейчас все умные.

Застучал молоток вгоняя гвозди в свежеструганный гроб.

- Вот и лежи теперь тут, - вытирая платком слезы, причитала мать над могильным холмом, - а послушала бы меня век бы прожила. Ой, ой.

Воинское начальство, как не просил Саня Мороз, не отпустило его на Тонины похороны.

Впрочем, не прошло и сорока дней с Тониной кончины, как рядом с ней лег (разорванный в клочья бендеровским стингером) младший командир Саня Мороз.

После сороковин Тонин отец перевез: холод греющий душу, холодильник марки Веко (хотя на него претендовали и даже между свояками случилась небольшая потасовка родичи Сани Мороза) к себе домой.

Дядя Костя

- Что сидим, - с крайним удивлением в голосе, спросил Леонов у своих подчиненных, - построение

через пять минут, а вы в хер не дуете. Бегом.
Мухой к месту сбора!

Бойцы, не обращая внимание на посиневшего от крика и волнения командира продолжали заниматься своими делами.

- Я не понял! Мы что русского языка не понимаем
!?

- Бей, - приказал сержант Свиридов своему напарнику по игре в карты, - мою даму.

- И побьём ее нашей шестеркой!

- Даму шестеркой? Ну, ты бя даешь...

- Так-то ж козырная шестерка!

- У нас черви козыри, а ты бубей кидаешь.

- Когда это у нас черви козырями стали?

- С самого начала.

- Не, я так играть не буду.

Карты веером полетели на пол.

- А я сказал карты поднял и бей мою даму... как положено, а не побьешь так я тебя рожу начищу до блеска.

Боец, недовольно сопя, - «Черви. Черви. Бубны были козырями», - принялся поднимать карты с пола.

- Вы, что лука поели или так охуели. Недоуменно глядя на своих подчиненных произнес Леонов.

- Я сказал, быстро встали и вышли на построение.

Бойцы неспешно вышли на двор, построились в шеренгу и направились, топча армейскими ботинками грязь, к месту общего сбора.

- Это что за фокусы, - закричал полковник Артемов, - старший командир ждет, бойцы ждут. Леонов в чем дело... почему твое подразделение является на построение не в положенное время?

- Я скажу, чего, - заявил сержант Свиридов, - он не в курсе. Мы тут с бойцами референдум провели и постановили на задания больше не ходить.

- Чего провели? Захлопал выгоревшими ресницами Артемов.

- Общий референдум. Народовластие у нас.

- Народ... чего ?

- Властие.

- Вы че то попутали, бойцы, - лицо полковника налилось кровью, - в армии никакого горловсластия нет и быть не может! В ней присяга, устав, дисциплина и главенство приказа.

- И мы за то, чтобы все было, как положено, по уставу, - согласился с командиром Свиридов, - нам

золотые горы, когда контракт подписывали, обещали, а последний раз кормили на пункте отправления, а это считай без малого месяц. Теперь вместо еды выдают коробочки серого цвета. Их не то, что есть на них и смотреть без слез нельзя. Воды три литра на сутки. Белье выдавали только два раза. Спим на голом матрасе.

- Вы присягу давали? – заорал полковник, - давали! В ней, что сказано, помните?

Полковник взялся цитировать текст присяги:

- Военнослужащий обязан стойко переносить тяготы и лишения военной службы, выполнять приказы командиров и начальников, усердно постигать новую воинскую специальность.

Закончив цитировать Артемов продолжил:

- Им хлеба день не дали, и они расхныкались, как девочки. Народовластие тут устроили. Я вам бля устрою!

- Ладно хлеб, - успокоил полковника Свиридов, - перебьемся как –нибудь. Тут магазинов кругом полно. Там и хлеб, и крупа. Я- то есть мы, про дядю Костю хотим поговорить. Нам обещали аргентинский выдавать, которого употребишь и сутки можно сытым и бодрым ходить, но вместо него уже который раз подсовывают бодягу, от которой не то, что не прет, а даже и не вставляет.

Как с такой дурью в бой идти. Наш ответ такой. Пока аргентинского дядю Костю не привезут. Мы на задания не пойдем. А вы что молчите. Обратился к стоящим на плацу бойцам Свиридов.

- Мы тоже не пойдем. Нема дурных! Давай нормальную дурь! Аргентинскую! Даешь аргентинца!

Дружно загудел (выданный главнокомандующим в подчинение полковнику Артемову) военный контингент.

- Бойцы, солдаты, друзья, пацаны, - Артемов перешел на дружеский тон, - я понимаю. Но тут такое дело. Машина, которая везла аргентинского дядю... попала под артобстрел и весь порошок разлетелся, конечно. Я приказал выдать наш отечественный.

- Надо было так и сказать, - заявил Свиридов, - а не яйца нам крутить и совать всякую бурду. Точно мы первокурсники какие и аргентинскую кокошу от самопала не отличим.

- Ладно. Тихо. Спокойно. Я сейчас.

Артемов направился в штабное помещение.

- За чеченами пошел, - сказал кто-то из бойцов, - они у них тут вместо заградотрядов. Сейчас всех положат.

- Это мы еще посмотрим, кто кого положит. Сказал на это Свиридов и снял калаш с предохранителя.

Вскоре вернулся Артемов. Лицо его сияло:

- Вот, пацаны, аргентинский дядя Костя. Из своего НЗ. На всякий пожарный держал. Можно сказать, от сердца оторвал. Берите, употребляйте. Знай своего командира, который отец солдату! Что смотришь Свиридов открывай пробуй и скажи, если ты такой у нас правильный, что член от хрена легко отличаешь, аргентинец это или байда!?

Свиридов штык ножом вспорол полиэтиленовый пакет. Нюхнул белый порошок и поднял глаза к небу.

- Ну, - поторопили его бойцы, - как?

- Ништяк. Вот то другое дело. Колбасит не по-детски! С такой дурью не то что в бой. В преисподнюю не страшно.

-Если все правильно, - сказал Артемов, - то поехали. Дело ждет. Приказ выполнять надо!

- Давайте по одной дорожке, - попросил Свиридов, - перед дальней дорогой.

- Ладно, - согласился отец солдатам, - давай по одной. Только быстро. Дел у нас сегодня по самые не хочу!

- Успеем, - заверил Свиридов, поднося ноздрю к аргентинскому дяде Косте, - все успеем, командир.

В это время раздался оглушительный взрыв. «Дядя Костя» медленно кружа тихо опускался на окровавленные ошметки потребителей...

- В распоряжение Артемова больше дядя Костю не отправляй.

Сказал завскладу зам по тылу седовласый подполковник: несомненно, хорошо помнящий и афган, и первую, и вторую чеченскую.

- А чего так? Завязали что — ли?

- Можно и, так сказать, но правильной будет потребителей больше не осталось.

- А куда ж они делись. Поинтересовался зав складом.

- В мобильный крематорий отправились.

Ответил зам по тылу и напевая песню «Не плачь девчонка» направился к штабному помещению.

Амнистия

Представитель частной военной компании, что приехал на «Черную Зону» вербовать зыков на

войну с укробедеровцами, говорил долго и цветасто.

О дедушке, который при определённых обстоятельствах может стать бабушкой, о резиновой попе, о бандерлогах, рабах на галерах, обрезании плоти, ушах мертвого осла, быстрой дороги в рай, о ковырянии в носу и о том, как жевать сопли и размазывать их по бумажкам.

Поставив жирную точку в своем спиче, представитель задал вопрос:

- Всем все понятно?

- Понятно.

В разноречивых ответах представители «Черной зоны»

- Ну, если понятно. Тогда те, кто согласен подписать контракт... проходят в здание администрации. Мои люди... я тоже... некоторое время... там буду... проведут с каждым из вас собеседование. Заглянут к вам в глаза, чтобы определить настоящий вы рыцарь плаща и кинжала или фраер дешевый.

Представитель покинул плац.

Зыки стали обсуждать услышанное.

Одна группа заявляла, что это подментованная контора и кантоваться в ней за падло.

Другая утверждала, что там кантуется правильная братва, которая зуб давала за одни ништяки.

Вор рецидивист Погожин Игорь Иванович, обладатель (за серо-коричневый цвет своего лица) погоняло Чалый, докурил сигарету и пошел к зданию администрации.

- Тут что – ли ксиву подписывают?

Поинтересовался Чалый у вербовщика.

- Что записаться хочешь?

- Типа того.

- Так типа или конкретно?

- Начальник на плацу гнал, что через шесть месяцев нам амнистия ломится. Так, не?

- Если не убьют, то да.

- Ну, а если замочкуют то тогда что?

- Тогда прямо в рай, не смотря на все грехи твои, а тело придадут земле в том месте, которое ты укажешь в своем завещании. Памятник до неба и имя твое золотом на нем.

Вербовщик измерил Чалого взглядом и обнадеживающе добавил:

- Но ты... я вижу... мужик крепкий. Тебя за просто так не завалишь. Ну, будешь подписать?

- Подпишу, но есть у меня одна маза.

- Не, вы посмотрите на него, - сказал с усмешкой в голосе вербовщик, - уголовник - рецидивист, полжизни на зоне провел и условия тут диктует.

- погоди, погоди, - остановил подчиненного представитель частной военной организации, который только что сыпал на плацу цитатами и афоризмами - Ну, давай бомби за свое условие.

- Я подпишу, но только отпусти домой, начальник, - огласил свою просьбу Чалый, - пятнадцать лет дом родной, мамашу с папашей не видал. Может и не увижу больше никогда. Они тут рядом живут. В Чернокаменском.

Цветастоговорливый представитель вышел и вскоре вернулся с пухлой папкой.

- Ну, что... полистал я... дело твое. Мужик ты правильный, как говорили, когда — то социально близкий. Так что дам я тебе отпускной на два дня. Однако, чтобы у тебя не появилось желание сделать ноги. Мы повесим на тебя браслет, а если ты попробуешь его снять, то ломится тебе в таком случае пятерочка или огонь на поражение при попытке к бегству.

- Зуб даю, - пообещал Чалый, - начальник, не сбегу.

Утром следующего дня Погожин И. И. он же рецидивист Чалый вышел из вагона поезда на мокрый перрон станции Чернокаменское.

Моросил дождь. Ветер терзал несчастную дверь
станционного строения. На городских улицах ни
души. Точно весь город выкосил недавно
пролетавший по миру китайский вирус.

- Чалый? ты что- ли?

Окликнул рецидивиста Погожина чей - то голос.

- Ну, я, а ты кто такой будешь?

- Штырь! – Воскликнул мужчина, - подельник твой.
Неужели не признал?

Чалый всмотрелся в лицо мужчины.

- Помню, помню... чего-то такого, а ты че живешь
тут?

- Не, я недавно откинулся. Месяц другой погуляю и
обратно на зону. Там привычней. В
Чернокаменском жопа.

- Резиновая. Вспомнил изречение представителя
Чалый.

- Полная! Рассмеялся Штырь и поинтересовался, -
ты откуда тут взялся. Откинулся что – ли?

- Типа того? Уклончиво ответил Чалый.

- Ну, так это обмыть надо, - радостно провозгласил
Штырь, - погнали в Зорьку! Там как раз братва
гуляет!

- Это кабак на Комсомольской что - ли?

- Ага только это сейчас не Комсомольская, а Митрополитская. И Кривой там и, Серый, и Леха, и Свирид.

- Не, я сначала должен на стариков своих посмотреть, а потом уже...

- Че на них, - перебил Чалого Штырь, - на старых тырится, когда в Зорьке нас молодые бабы ждут...

Веселая компания воров рецидивистов встретила Чалого дружескими объятьями и полным стаканом Абсолюта. За Абсолютом, вискарь, коньяк, разговоры за то се, приглашения на очередное дело: от взлома ларька, до ограбления банка.

- Не, братва, я в ЧВК записался.

- Это типа чего?

- Вроде армии. Укропов пойду с пиндосами мочить.

- И правильно, Чалый, - поддержала решение рецидивиста Погожина братва, - да мы их всех порвем, затопчем, холодом заморим. Перекроим им газ и кранты пидорам пиндоским... Сами приползут мировую просить. А мы им вилы сделаем с вензелями и в козлов опустим.

- Я отлить. Чалый шатаясь, спотыкаясь и хватаясь за стены направился к помещению с буквой М на двери.

- Стой. Стой. Ты сюды не хады, - остановил рецидивиста бармен нерусской наружности, - ремонта там. На улица хады. Там уборный ест.

Чалый вышел во двор и шатаясь, падая и вставая взял курс на общественный сортир.

Через два дня в покосившиеся от старости ворота дома родителей Чалого постучали.

- Чего надо? Не открывая калитки спросил отец рецидивиста.

- Рецидивист Чалый. Он же Игорь Иванович Погожин. Тут проживает?

- Он тут уже пятнадцать лет, как не проживает.

- А наш навигатор показывает, что он здесь в Чернокаменском. Открывай, дед, ворота. Пока мы их тебе не вынесли!

- А вы кто такие будете, чтоб я вам открывал?

- Мы те, кому положено. Я начинаю счет. На цифру пять не откроешь, нанесем непоправимый вред твоему жилищному фонду. Один. Два. Три.

Звякнула щеколда. Ворота открылись. Плечистый человек отодвинул вставшего у него на пути жиденького человечка.

- Ты в сарай. Ты на крышу. Приказал он своим подопечным.

- А я в хату. Пошли дед, - плечистый толкнул отца Чалого дулом калаша в спину, - и смотри у меня. Если что, открываю огонь на поражение.

Вскоре плечистый вышел во двор. Здесь его уже ожидали подчиненные.

- Ну, что у вас?

- Все чисто.

- А где ж если навигатор показывает, что он в Чернокаменском.

- Так Чернокаменск большой. Ответил молодой человек с электронным прибором в руках

- Я и не знал, что полторы улицы и сарай у нас теперь называется большим городом. Давай, включай свой пеленг и вычисляй, где это падла схоронилась.

- Навигатор вроде туда показывает.

- Туда это куда. Поинтересовался недобрым голосом плечистый.

- Прямо.

- Ну, так и пошли прямо.

Пройдя несколько улиц навигаторщик остановился возле общественного сортира.

- Это здесь.

- В сортире что — ли?

- Да, оттуда сигнал идет.
- Посмотри есть там кто, - приказал плечистый свои подопечным, - если что валите его.
- Так, а это...
- Оформим, как попытку к бегству. Успокоил своих бойцов плечистый.

Бойцы скрылись в уборной, а выйдя оттуда решительно заявил:

- Нет, там никого.
- Я говорю там он. Посмотрите на прибор.
- Вообще то доски там поломаны. Может он провалился.
- Надо пойти за баграми, - сказал плечистый, - проверить.
- Мы в дерьме ковыряться не будем. Мы так не договаривались

Запротестовали бойцы.

- Мы тут не договариваемся, а приказ выполняем.
- Может он браслет свой снял и в сортире утопил. Предположил навигаторщик.
- Может и так, - согласился плечистый, - а наша с вами задача его оттуда извлечь и в часть доставить. Это все – таки вещь казенная.

- А чито ви тут, дэлаете, - поинтересовался у плечистого бармен (нерусской наружности) ресторана Зорька, - чито за проблемы....

- Зэка сбежавшего ищем. Видел такого?

Плечистый показал бармену фото рецидивиста Погожина И.И.

- Видыл. Видыл, - затараторил бармен, - в наш ресторан гудеть. Стекла бить, стулы ломать. Бандыт. Все тут бандыты.

- Звони ментам, - приказал бармену плечистый, - пусть едут и разбираются.

Вскоре возле сортира тормознула полицейская машина.

- Что тут у вас, - поинтересовался пожилой полицейский, - чего вызывали?

Плечистый быстро изложил суть возникшей проблемы.

- Это что. Я. Должен в сортире копать?

- А кто? Поинтересовался плечистый.

- Ваш клиент. Вы и копайтесь. Савелов, - обратился полицейский к водителю, - заводи мотор. Поехали назад.

- Куда поехали. Куда поехали, - плечистый навел на полицейского автоматное дуло, - никуда ты не поедешь.

- А ты не пугай, - полицейский расстегнул пистолетную кобуру, - мы пуганные.

- Я не пугаю, - понизил градус разговора плечистый, - я прошу. Организую команду МЧС. Мне отчет надо написать. Не поеду же я пустым к начальству.

- Не будут чээсовцы в гавне копать, - заверил полицейский, - надо бомжей звать.

- Так позови.

- Так озолоти, - полицейский протянул ладонь, - тогда позову. Они тоже недурные за просто так гавно мешать.

Плечистый вытащил несколько крупных купюр. Минут через десять возле сортира нарисовалась небольшая компания бомжей с кольями в руках. Со стороны они походили на разбойников с большой дороги.

- Ну, че искать? Спросил очевидно старший команды.

- Жмура, - ответил плечистый, - или электронный браслет.

Команда вошла во внутрь сортира.

- Есть. Есть. Донеслось из помещения, - скорей всего жмур. Звони пожарникам. Тут без багров не вытащишь.

- За просто так, багры, да еще на такое дело... не дам.

Заявил старший, прибывшей к сортиру, пожарной команды.

- Я заплачу.

Плечистый вновь достал из кармана несколько купюр.

Тело рецидивиста Погожина извлекли на поверхность и обмыли водой из брандспойта.

- Как он туда угодил?

Глядя на труп, спросил плечистый.

- Легко, - ответил пожарный, - этому сортиру сто лет в обед. Доски в нем с тех пор никто не менял. Они под ним разошлись, и ушел на дно. Если бы трезвый был, то может за край бы ухватился, а пьяный, что море, что дерьмо. Кстати, не он первый. Тут знаешь сколько народу потонуло. Не пересчитать. Сколько раз просили, писали, требовали. Убрать этот сортир. Сколько раз начальство клялось его снести или хотя бы отремонтировать. Куда там.

Возле тела понемногу собралась приличная толпа.
Вскоре подошли и родители Чалого.

Отец виновато переминался с ноги на ногу. Мать жевала платок и бормотала что – то слезливое.

В толпе, не обращая внимания на покойника спорили два мужика.

- А я тебе говорю, - доказывал маленький мужичок крупному мужику, - мы их все равно затопчем пиндосов этих.

Мы самая богатая страна у нас лес, газ, нефть... все че хочешь, а у них что. Пидоры одни и ковырялки.

- Богатая, а сортир нормальный построить не можем. Привел контраргумент крупный.

- Что мне твой сортир, сортир. Я в него не хожу. Я под кустом люблю. Одуванчик в жопу тычет. Вот такая благодать.

Похоронили рецидивиста Погожина И. И. не там, где, как заверял представитель, он пожелает, а на краю заброшенного кладбища.

Обелиска на его могиле (до неба) как заверял вербовщик не поставили и не выгравировали на нем золотом имя покойного.

На могильном холмике стоит простой деревянный крест... и ни буквы, ни строчки на нем.

Теплая лазурь

Состав дернулся и медленно, как большая гусеница пополз в направлении заходящего солнца. За вагонным окном проплыли жд. строения, промелькнули многоэтажки пригорода, замелькали: деревья, поля, речушки, озерца и болотца.

Когда поезд набрал ход новобранцы вытащили из своих рюкзаков и сумок сытные тормозки и бутылки с прохладительными и горячительными напитками.

- Пошли с нами, Афоня.

Предложил Афанасию Иванову такой же как Афанасий призывник Гриня Старовойтов тщедушный малый с блеклыми глазами.

- Выпьем, закусим, короче, душевно посидим.

- Не, я не пойду.

- Ему с нами за падло. Сказал Грине призывник Егоров, крепкое существо с лицом дегенерата.

- Нет, просто не пью.
- И не куришь.
- Не курю.
- Кто не курит и не пьют. Тот дебилом и помрет

Скаламбурил Егоров.

- Егор. Гриня. Вы идете или как?
- Идем. Идем.

Вскоре от места общего сбора повеяло приятным аппетитом, спиртным и громким разговором.

Афанасий достал из рюкзака курицу, огурцы, помидоры, несколько ломтей пшеничного хлеба, бутылку минеральной воды. Все это с вождением съел, вытер руки салфеткой и вытащил из рюкзака томик своего тезки Афанасия Тютчева. Иванов уже отвык читать бумажные книги, но в составе (в целях безопасности, как объяснил сопровождающий их командир) не было WIFI.

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора.

Именно такая пора стояла за вагонным окном.

Весь день стоит как бы хрустальный

И лучезарны вечера.

Пробегающие за вагонным окном пейзажи
были окрашены лучезарными вечерними
красками.

Где бодрый серп гулял и падал колос

Теперь уж пусто все простор кругом.

Афанасий отвел взгляд от страницы.

Состав выскочил из лесополосы и побежал
мимо огромного скошенного поля.

Все как у Тютчева подумал новобранец.

Пустота, простор и чистая и теплая лазурь над
миром.

Состав пробежал мимо полустанка,
промелькнула: платформа, киоск, рекламный щит,
мужчина, женщина, ребёнок, ворона... Все это
смешалось в голове Афанасия цветной каруселью, и
он заснул.

Что снилось новобранцу Иванову.

Поэт Афанасий Фет?

Совокупление с соседкой Дашей, за которым нагло подсматривал, блестящий на праздной борозде тонкий волос паутины?

За вагонным окном уже стояла ночь, когда, как в известном СТИХО «состав на скользком склоне вдруг изогнулся страшным креном, от рельса колеса оторвал...»

Короче, по причине точного попадания М142 HIMARS состав слетел на всем ходу с рельс и пошла давить нечеловеческая сила всех, кто подвернулся ей под горячую руку.

Вагоны, колеса, двери, полки, стоп краны, чемоданы, сумки, рюкзаки, тормозки, сборник стихов Тютчева с его «Есть в осени...» прохладительные и горячительные напитки. Нечеловеческая мощь крушила, терзала и ломала так и не доехавших до места назначения призывников. Разбивала вдребезги их надежды на скорую победу и боевые награды. Сметала в общую кучу (с их чаяниями на повышение по службе) сопровождающих призывников командиров. Ломала растущие на склоне ни в чем неповинные: полевые цветы, кусты малины, неразумный тростник, молодую стройную елочку, полевую

мышь и выбравшегося из норы поглазеть на мир крота.

Какое-то время были слышны душераздирающие крики, ужасные вопли, слабые стоны, настойчивые просьбы о помощи, но никто не пришёл, не прибежал, не приехал и не прилетел, только луна равнодушно лила свой бледный свет на апокалиптическую картину...

На рассвете стаю бездомных собак разбудил призывный лай мохнатого пса, имевшего некогда прозвище Марат.

У всех членов собачьей группировки не так давно были клички, хозяева, еда, вода - нормальная собачья жизнь, но спецоперация лишила их хозяев, мест проживания и главное пищи.

- Чего брешешь? Чего псам спать не даешь? Открыв глаза спросил вожак стаи альфа самец (как он любил себя называть) бульмастиф Тарас.

- Чего спать. Чего спать, когда жратва подоспела. Все свежее и никем еще не тронутое, не галками, не воронами, не лисами, не жуками. Бр - ры. Бежать надо. Пока вся эта банда не пронюхала, и погребальная контора не приехала.

- Ой, знаю, - зевая, сказала привлекательная сучка Кудря, - я эти похоронные команды. Их только за смертью посылать. Тянутся, ползут, спорят, кто будет целых трупиков таскать, а кто части.

- Так построились. Объявил вожак Тарас, Стая безропотно (не то, что бойцы частичной мобилизации) выполнила команду вожака.

- Гав- гав. Прочистил горло Тарас и начал инструктаж.

- Напоминаю еще раз, Характер наших отношений альтруистичен. Каждый пес подчиняет свои личные интересы интересам всех. Зараз мы не Бобики, Шарики, Жучки и Барбосы мы одна целая псина. Имя, которой СТАЯ или КОЛЛЕТИВ как кому нравится. И еще запомните выживает не сильный, а умный. Добычу делим поровну. Младшие слушаются старших. Старшие несут бремя ответственности за всех. Все понятно?

Стая ответила дружным гав.

- Держим дистанцию метр друг от друга. Бегом марш!

Дал команду альфа самец и стая тронулась в путь.

Вожак остановился на склоне и посмотрел вниз. Кювет, канава, песчаная дорога представляли собой роскошный обеденный стол, на котором лежали:

свежие мозги, высились мясные ляжки, громоздились еще дышащие легкие, красовались сочные печенки. Одним словом, все то, что несколько часов тому назад называло себя «царем природы».

Тарас наметив себе внутренности паренька, возле, которого валялась обугленная книга, сглотнул обильную слюну и стремглав бросился к добыче. Ох хороша была печенка призывника, ах! какими аппетитными были его мозги и почки.

Накушавшись альфа самец, как он сам себя называл, прилег на возвышенность и принялся смотреть на бушевавший в долине пир. Кого только не было на этом халявном обеде. Псы, и лисы, вороны, галки, еноты, жуки могильщики, крупчатые суслики и даже одна сбежавшая из разбомбленного зоопарка гиена.

Вдалеке слышался рев грузовых машин. Из кабины грузовика вылез мордатый детины.

- А ну пошли, суки! Зычно крикнул он и дал очередь в сторону обедающих.

С гавканьем, визгом, хлопаньем, карканьем... животный мир покинули место «царского» пира

- Блядь, - поглаживая урчащий от голода живот, сказал сержант Котляров, - третьи сутки не жрамши. Вот суки. Ну, падлы. Своих не бросаем. Все за всех, а как помощь прислать... так херушки! У кого еще что из жратвы осталось?

Вопрос остался без ответа. Подчиненные пустыми холодными глазами смотрели на командира. По спине сержанта Котлярова пробежали мурашки. Во взгляде своих бойцов он прочел свой смертный приговор. Ведь из всего личного состава был самым мясным. Из его двухметрового роста можно было несколько дней варить похлебку.

- Отставить смотреть на меня, - приказал Котляров, - делом займитесь. По лесу пройдитеесь, по деревням может чего пожрать найдете.

- Да, мы уже все, что можно обошли. Нет тут ничего кроме руин, да развороченных танков и самоходок. Мы все их обшарили.

- Не понятно, - произнес рядовой Полтарашкин, - почему нас укропы еще не повязали. Может хоть накормили бы.

- Накормят они тебя, - усмехнулся сержант Котляров, - сырой землей от пуза. Они у наших сердца вырезают и сырыми их жрут. Это им типа силы придает.

-Кончай про еду бухтеть, - попросил сиплым голосом боец Серебров, - давай про что-нибудь другое.

- Про баб что – ли?

- Я сейчас у какой-нибудь ляжку отгрыз бы. Так жрать хочется.

- Ну, я ж просил о еде не говорить!

- Тихо. Тихо, -приложил палец к губам Котляров, – идет кто – то.

Бойцы прижались к земле.

Послышался шелест потревоженного кустарника и на поляну вышел рядовой взвода с позывным Бурят.

- Пацаны, - веселым голосом, сказал он, - я еду принес.

Котляров осмотрев с головы до ног рядового поинтересовался:

- А где она? Что-то я ничего на еду... похожее... не вижу.

- Она тут рядом лежит. Помогите дотащить до места. Я ее на себе пять километров пер. Запыхался. Оставил в лесу. К вам побежал за помощью.

- Ты сдурел, - изумился Котляров, - еду в лесу оставил. Её ж сопрут!

- Сопрут. Ну, ты даешь. Тут же никого кроме нас нет

- Звери сожрут.

- У зверей сейчас жратвы выше крыши. Через каждый метр мертвяк лежит. Ну, давай кого в помощь!?

- Барыкин, - обратился к бойцу Котляров, - иди с бурятом.

- А я что... самый крайний что — ли.

- Не хочешь быть крайним... так будешь первым, кто с голодухи лапы склеит.

- Иванов, - сказал он своему подчиненному, - сходи с бурятом

- Ладно. Ладно. Уже и слова сказать нельзя. Иду. Иду.

Барыкин встал:

- Ну, давай, показывай, куда идти.

- Туда. Туда. Прямо. Бурят рукой указал направление маршрута...

Не прошло и получаса, как Бурят с Барыкиным вернулись к месту сбора.

- Не понял, - изумленно воскликнул Котляров, - а еда где?

- Вот еда.

- Какая это блин еда. Это же собака!
 - А собака, что не еда?
 - Точно собака и породистая, - добавил боец Кривошеев, - кажется бульмастиф. У мэра нашего города такой был.
 - Тем более, - обрадовался Бурят, - у нас в поселке корейцы их только так едят.
 - Только бульмастифов?
 - Какие под руку попадутся. На то они и корейцы!
 - Но я ж не кореец. Возмутился Котляров.
 - Ну, и не ешь. Мне больше будет. Заявил боец Медведев.
 - А ты что у нас кореец?
 - Может быть.
 - Кто еще корейцы, - поинтересовался Котляров, - поднимите руки.
- Бойцы дружно взметнули руки к серому осеннему небу.
- Может эта псина отравилась и сдохла, а вы ее будете жрать!?
 - Да, ты что, командир. Я этого кобеля собственноручно завалил. Вон смотри... пулевое ранение в голову. Он даже околоть не успел.

- И правда теплый. Подтвердил слова Бурята Медведев.

- А если он трупаков жрал?

- Так это ж он жрал, а не мы. Парировал находчивый на аргументы Медведев.

- Если мы его сожрем... мы сами людоедами станем!

- Лучше людоедами, - парировал Медведев, - чем трупаками

- Может и так, - согласил командир, - а кто его разделает? Или мы его со шкурой грызть будем?

- Я разделяю, - заявил боец Ломтев, - зря что — ли у меня позывной Мясник. Я ж три года на мясокомбинате в разделочном цехе работал. Мы там этих собак только так... для северных корейцев... разделывали!

Через час от альфа самца, как он сам любил себя называть, Тараса остались только шкура и кости.

В собачьей группировке, которую некогда возглавлял альфа самец Тарас наметился новый лидер американский питбультерьер имевший некогда кличку Туз.

Поцелуев тонкий шелк

Солнце только - только скрылось за горизонтом, а в небе уже мерцала одинокая звезда.

На столе околوماжорной музыкой задребезжал айфон. Виктор взял его в руки и скользнул пальцем по дисплею. На экране возникло женское лицо и нежный певучий голос произнес:

- Привет, Витюша, привет. Рада, наконец, тебя видеть. Ты почему не звонишь?

- Да ты что, Зоинька - Заинька. В день по сто раз тебе звоню и все без толку... или у вас там связь плохая... или у нас интернет глушат. Сейчас в связи с этими событиями ничего не поймешь.

- А я думала, что ты себе уже другую нашёл.

- Как ты могла такое подумать, - изумился Виктор, - как ты смогла себе такое вообразить. Мне не нужна новая! Нет, нет и нет! Мне нужна моя старая, единственная, нежная, ласковая, красивая, любимая, моя Зоинька - Заинька.

Виктор выдержал паузу и принялся с выражением декламировать:

- Я люблю тебя всю: от макушки до пят. И, конечно же, каждую клеточку между... И улыбку-зарю, и

усталый твой взгляд, и в нарядах любых, и совсем без одежды.

- Без одежды не получится, - засмеялась Зоя, - у нас холодно,

- Я вот... видишь, - видео глаз айфона скользнул по Зоиной фигуре, - в теплых брюках, куртке и вязанной шапочке.

- Тебе очень идет эта шапочка, - заметил Виктор, - как раз под цвет твоих глаз. Ты где такую купила?

- Купила!? У нас теперь ничего не купишь. Магазины закрыты. Рынки разбиты. Так, что я не купила, а сама связала...

- Обалдеть, как хорошо! Но ты же вроде не умеешь вязать?

- Правильней сказать в прошедшем времени - не умела, - поправила Виктора девушка, - а в настоящем умею. Меня недавно научила этому одна женщина научила. Мы с ней в бомбоубежище познакомились. Я теперь большую часть времени в нем провожу. Надо же чем — то заняться. Связь плохая, общения никакого: ни фейсбука, ни ютуба, ни телеграмма... ничего нет... вот и взялась за вязание.

- Молодец, молодец, Заинька, - похвалил девушку Виктор, - свяжи и мне шапку. Я буду осыпать ее

тонким шелком моих поцелуев. Потому что ее вязали твои руки, твои ладони, твои пальчики, которые я так люблю целовать. Ты, когда вернешься домой, чтобы я и мог их целовать не в своих снах, а наяву.

- Трудно сказать, - печальным голосом ответила Зоя, - из ада скорее вырвешься, чем отсюда.

- Что все так плохо.

- Давай не будем, - попросила девушка, - о грустном. Лучше ты еще про улыбку зари и шелк поцелуев расскажи. Я что-то раньше за тобой такого романтизма не замечала.

- Но ты ведь, - Виктор улыбнулся, - и ты раньше не умела вязать, но научилась. Вот и я в разлуке с тобой открыл в себе поэта!

- Так это ты что - ли про люблю от макушки до пят сочинил?

- Нет, - виновато улыбнулся Виктор, - это не я, но подписался бы под каждой строчкой. Хотя я тоже кое-что сочинил, но читать...пока... тебе это не буду. Они еще сырые.

- А о чем, - поинтересовалась Зоя, - твои стихи?

- Конечно о моей огромной... бесконечной! вечной любви! к тебе. Мне кажется, Заинька, что я люблю

тебя не только в этой жизни, но любил в потоке бесконечной череды моих перевоплощений.

- погоди, - остановила Виктора девушка, - но ведь в других перевоплощениях ты мог быть женщиной.

- Но тогда, - парировал Виктор, - ты могла быть мужчиной.

- Однако в каких-то перевоплощениях мы могли быть с тобой женщинами или мужчинами?

- Но мы могли быть любящими друг друга: сестрами, братьями или тайными однополыми любовниками.

- Однополыми. Ну, ты даешь. В прежние времена за это могли и...

- Да, могли, - продолжил мысль Зои Виктор, - и мы... возможно... сгорали с тобой в костре... возбраненной любви... сгорали, возрождались и вновь спешили на встречу друг – другу.

- Витя, - рассмеялась Зоя, - ты точно сегодня Шекспир! погоди... минуточку... кто – то стучит в дверь.

Зоя встала с дивана и пошла с айфоном в руке к входной двери. Виктор услышал, как она задала вопрос:

- Вы кто?

- Мы военный патруль, - ответил Зое, приглушенный мужской голос, - а ты что тут делаешь?

- Я живу здесь, - ответила Зоя, - разве не видно.

- Документы покажи. Потребовал визгливый мужской голос.

- А еще чего.

- Ты, че борзая что - ли. Так я те научу «счас» родину любить Документы показала. Я сказал!

- С кем это ты разговариваешь. С инструктором из террористического центра.

- Из какого центра. Я с парнем своим разговариваю.

- Быстро отдала мне свой вибразвон. Я сказал быстро... пока я тебе клешню не сломал.

На дисплее возникло расчерченное черными линиями лицо.

- Ну, че бандеровец, приплыли.

- С чего ты решил, - стараясь говорить спокойно и уверенно, ответил Виктор, - что я не бендеровец. Я русский. Виктор Петров. Я в России живу. В Москве.

- Знаем мы вас майданутых. Вы... бля... как что, - сказало, оскалив ряд гнилых желтых зубов, лицо, - так сразу русскими становитесь.

- Да, я тебе паспорт покажу. Виктор встал, собираясь пойти за паспортом.
- Сядь, пиндос! Если ты русский... так какого хера ты с бендеровкой базаришь?
- Кто тебе сказал, что она бендеровка? Она русская. Просто ее война в Украине застала.
- Вот ты укроп и спалился.
- В смысле?
- Не в, а на.
- Хорошо. Пусть будет на. Но поверьте, что она своя русская.
- Нам ваще по барабану кто он русская , белорусская – главное что она баба и мы с пацанами ее хотим. Так, пацаны.
- Хотим. Хотим. Еще как хотим.
- Так что смотри сюда, Витек. Ты хер такого и в порнохабе увидишь. Тащи ее сюда, пацаны. Будем сеанс Витюхе показывать !

На экране появилось заплаканное лицо Зои.

- Ну, че шалашовка хохляцкая сама разденешься или те раздеть?
- Ребята, пацаны, - закричал Виктор, - я вас прошу, умоляю. Хотите на колени перед вами встану. Она своя. Своя она. Русская. Посмотрите ее паспорт.

- Заткнись, укроп, - крикнуло в ответ исчерченное линиями лицо, - смотри, и своим передай, что так будет с каждой вашей блядиной укропской. Давай, начинай, пацаны.

- Ребята, у меня квартира в Москве. Машина. Счет в банке. Я все вам отдам. Только не трогайте ее.

- На хер мне, укроп, твои тачки, хаты и бабки. Меня может не сегодня завтра замочат, а укропиха твоя нам самый раз. Может это наша последняя баба в этой жизни.

Зою бросили на диван и многочисленные руки стали срывать с нее одежду. Зоя пронзительно закричала.

- Заткни ей хлебалово! Приказал очевидно старший команды.

Боец в каске заткнул Зое рот ее нижнем бельем. Боец со спущенными до колена штанами навалился на Зою всем своим стокилограммовым весом.

- Смотри, смотри укроп. Вишь как укропиха твоя под Темой ходит. Вдуй, ей поглуже Тема... по самые не хочу.

- Хорошо, дай мне. Потребовал у Темы его боевой товарищ.

- Да, погоди, Костян! Я только начал. Успеешь еще. Ой, бля хорошо идет.

- Давай, быстрее. Стали подгонять его другие бойцы.
- Пошли на хер!
- Ты бля ее не задуши своей тушей. Я еедохлую драть не хочу...
- На этих словах связь прервалась. Виктор выскочил во двор, завел машину и не обращая внимания на красные огни светофоров понесся к ближайшему полицейскомучастку.
- Что у вас? Поинтересовался дежурный по отделу.
- Мне помощь нужна!
- А что случилось? Не отрывая глаз от дисплея своего айфона поинтересовался дежурный.
- Мою девушку насилуют?
- Где насилуют.
- В Украине!
- А чем я могу вам помочь, сидя в Москве.
- Да, оторвитесь вы от своего айфона, - крикнул Виктор, - и свяжитесь с воинской частью. Пусть они найдут этот дом и спасут девушку. Ей же грозит смертельная угроза! Да, уберите вы свой айфон
- Вот только орать, - сказал, зевая дежурный, - здесь не нужно. Возьмите лист бумаги, ручку и напишите заявление. Мы рассмотрим.

- Вы, что не слышите, что я вам говорю...

Виктор закончил свою гневную тираду в камере предварительного заключения. За тюремной решеткой сияла ослепительная звезда.

Зою похоронили в общей могиле с биркой на лодыжке N1367. Спустя несколько месяцев в такую же общую могилу бульдозер свалил останки частично мобилизованного Виктора.

Письмо

солдату

Завуч по учебно-воспитательной работе (УВР)
Анна Александр Чичкина вошла в класс:

- Здравствуйте, ребята.

- Здравсте. Зда. Дас. Те... Расте... В разнбой
ответили дети.

Анна Александровна села за стол, поставила на него два предмета и обведя цепким взглядом учеников поинтересовалась:

- Кто мне скажет, как называются эти предметы?

Класс ответил молчанием.

- Ну, а рассказ Чехова Ванька кто-то из вас читал?

Тишина стала еще гуще.

Завуч по УВР тяжело вздохнула толи оттого, что ее разочаровали познания учеников, а может потому что ей уже давно пенсионерке приходится по-прежнему ходить на эту проклятую работу: дочке непутевой нужно помогать и тунеядец сын требует.

- Вы у нас в каком классе учитесь?

- В пятом. Ответил хорошист Алехин.

Анна Александровна вновь тяжело вздохнула, вытащила из издавшего виды портфеля

потрепанную книжку, надела на нос очки, нашла нужную страницу и стала читать.

«Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли к заутрене, он достал из хозяйского шкапа пузырек с чернилами, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать»

- Вот этот, пузырек, как называет его Чехов, на самом деле носит название чернильница, а это ручка с пером.

Анна Александровна от устного инструктажа перешла к наглядным действиям:

- Берем ручку. Макаем перо в чернила и пишем.

Завуч по УВР принялась, скрипя пером писать что-то на бумаге. Положив ручку, она показала детям написанное, ученики вслух прочли:

- Миру – мир. Пусть всегда будет мама.

- Теперь каждый из вас подойдет к столу, обмакнет перо в чернила и напишет несколько слов.

- А каких слов? Поинтересовался Андрей Крапивин

- Ну, не матерных, разумеется, я слышала, как ты их произносил на перемене. Как только тебе не стыдно. Я чуть со стыда не сгорела!

- А что я...

- Я, я, - передразнила Андрея завуч по УВР, - иди к столу. К столу! Я сказала!

Андрей выполнил приказание:

- Ну.

- Не, ну, а возьми ручку в руку! В правую. В правую... А ты у нас левша. Ну, тогда в левую.

Андрей выполнил приказ:

- Не так. Не так, олух. Двумя пальцами надо брать. Вот так. Понял?

- Угу.

Андрей обмакнул перо в чернила, написал букву М и с недетской тоской в глазах посмотрел на залитое дождем окно.

- Ну, что стоишь, как истукан, - прикрикнула завуч, - пиши следующую букву. Какая следующая в твоём слове – знаешь?

- А.

- Вот и пиши.

Андрей добавил к М – А.

Анна Александровна взглянула в листок бумаги:

- Ма - это не слово, а слог. Знаешь, что такое слог?

Андрей немигающим взглядом смотрел на усевшегося на подоконник голубя.

- Так все понятно. Иди с глаз моих!

Андрей отправился на свое место, по дороге он ударил Г. Сорокина по голове, а В. Татаринов ударил Андрея рюкзаком по спине.

- А ну-ка успокойтесь, - гаркнула завуч, - пока я вас не успокоила. Ишь, распустились мне!

В течении пятнадцати минут ученики подходили к учительскому столу и обмакивая перо в чернильницу писали на листе бумаги с их фамилией: буквы, слога, слова, а некоторые даже и предложения.

- Боже мой! Что ты пишешь! Как ты пишешь!

Злилась на нерадивых учеников Анна
Александровна

- А как? Вопросали нерадивые.

- Мягче, мягче! Не нажимай сильно. Чернило
лишнее стряхивай с пера. Как ты стряхиваешь!?
Как ты... Дай сюда ручку, остолоп. Смотри как
нужно! Ну, вот из-за тебя кляксу поставила. Иди,
отсюда. Катя Орлова подойди к столу. Возьми
ручку. Обмакни перо чернило.

- Обмакнула

- Пиши

- Что?

- Имя свое напиши.

- Катя?

- Нет, - ответила завуч, - полное имя напиши. Екатерина.

- Е. к. а, - Катя стала писать, повторяя вслух каждую букву своего имени, имени, - те... ри...

- Что это такое. Что это за буквы. Что за алфавит. Какого такого языка эти буквы. А-й А – й. Все русские классики сейчас в гробу перевернулись от твоей писанины. Сядь на место. Кривошеев иди к столу.

Прозвенел звонок. Анна Александровна сложила листы бумаги в портфель и вышла из класса.

Через несколько дней ученика пятого класса (однофамильца чеховского героя) Ивана Жукова вызвали в кабинет директора.

- Садись вон туда. Завуч указала на стул. Жуков сел и уставился взглядом в репродукцию картины «Три медведя»

- Это, Петр Кузьмич, - сказала директору завуч, - ученик пятого класса Иван Жуков. Он у нас особый случай. У него отец мобилизованный. Защищает Донбасс и освобождает Украину.

- Вот оно что. Похвально. Похвально, - ласково улыбаясь сказал директор, - ну, а учится как у нас, сын героя?

- Ну, успеваемость у него, скажем, не шатко не валко. Правильно я говорю, Жуков?

- Нормально. Толи соглашаясь толи оспаривая заявление завуча ответил Иван.

- Но подчerk, - продолжила завуч, - почерк, почерк просто блеск. Чистой воды - каллиграфический!

- Почерк — это хорошо, - похвалил директор, - но почерк требует грамматики. Как у тебя с грамматикой, Жуков? Дружишь с ней. Про Иван родил девчонку, велел тащить пелёнку знаешь? Вижу, что не знаешь!

- Чего это не знаю, - обиженным голосом сказал Жуков, - знаю. Это падежи.

- Ишь, изумился директор, и правда, знает. Ну, ну...

- Не волнуйтесь, Петр Фомич, - успокоила директора завуч по УВР, - я дам ему текст письма. Он его перепишет, а грамматику я проверю.

Директор взглянул на портрет президента, что висел над его головой, и произнес:

- Ну, если только под вашим контролем, то пусть пишет.

- А что, писать то?

Поинтересовался Жуков.

Вместо директора ответила Анна Александровна:

- Ступай в класс. Я через несколько минут подойду и там тебе все объясню.

Андрей вошел в класс. В нем уже сидело человек десять. Иван только хотел поинтересоваться у собравшихся, что они будут писать, как в класс вошла Анна Александровна.

- Ну, что у нас тут с поголовьем. Один, три, семь, десять. Все в сборе. Можно приступать.

Завуч сделала глоток мутной жидкости из полиэтиленовой бутылки и бойко затараторила:

- Дорогие ребята. Наши солдаты – это честь и отвага, это сила нашей великой Родины. Они принесли Победу нашему народу в 1945 году. И каждый раз, празднуя День победы, отмечая День защитника Отечества, памятные даты воинской славы мы всегда вспоминаем, какие качества нашего народа помогли одолеть врага

Это терпенье, мужество, величайшая стойкость, любовь к Отечеству. Пусть эти проверенные огнём войны качества всегда нам сопутствуют. И всегда победа будет за нами! Наша могущественная, великая Родина стояла и стоит на защите интересов народов, нуждающихся в помощи! И сегодня российская армия, российские солдаты - помогают Донбассу и всей Украине обрести безопасность и уверенность в завтрашнем дне.

Анна Александровна сделала паузу, вновь глотнула из бутылки:

-Ну, продолжим. Сейчас по всей стране проходит патриотическая акция «Напиши письмо солдату»

Учительско – ученический коллектив нашей школы решил поддержать эту патриотическую акцию.

Но мы ребята, пошли дальше. Мы решили, что писать письма мы будем не на компьютерах и айфонах, а от руки и не просто от руки, а чернильными ручками – это делается для того, чтобы связать времена. Ведь, как вы знаете, у русских богатырей, победивших татарские орды на Куликовом поле не было компьютеров и у воинов ВОВ их тоже не было. Писали они все чернильными ручками.

Мы провели проверку, и вы оказались самыми способными. У всех у вас прекрасный каллиграфический подчёрк. Вы и будете писать эти письма. Сейчас я раздам каждому из вас листы с текстом письма, а также ручки, чернильницы... вы дома, естественно, после выполнения домашней работы, перепишите текст письма в чистый лист бумаги. Вот он с эмблемой «Юнармия». – завуч указала на эмблему в левом углу листа, - и сдадите его мне. Я же в свою очередь перенаправлю их бойцам нашей славной армии. Всем понятно? Жуков пишет своему отцу. Потому что отец Жукова ребята бьется на полях сражений.

- А вам платят. Поинтересовался у Жукова Авдеев.

- Рот закрой, - прикрикнула завуч, - настоящие бойцы воюют за Родину, а не за деньги. Все свободны!

Пятиклассники, толкая друг – друга устремились к выходу.

Жуков дождался пока мать уйдет в Пятерочку мыть полы. В противном случае она бы вовек не позволила писать несмывающимися чернилами на кухонном столе. Иван достал из рюкзака чернильницу, ручку с серебристым пером, и два листа бумаги: один чистый, другой с образцом текста, который следовало переписать, обмакнул перо в чернильницу, но вместо текста, который смотрел на него с образца «Здравствуй солдат»

Иван написал

Батя, здравствуй. Нам в школе дали задание написать письмо солдату. Меня выбрали писать потому что у меня хороший почерк. Кали марго

гани ческий... я точно не помню, но хороший. Наша завучиха. Хрюша ее так все в нашей школе зовут потому что она толстая и нос у нее, как пятак у дедушкиной свиньи в деревне. Так она сказала, что у меня самый красивый почерк, что такого почерка даже у отличницы Зайцевой нет, и еще сказала, что не знает откуда у меня такой. Батя твойный, сказала Хрюша, в школу только три года ходил. Мамка тоже два класса и три коридора кончила. Бать, если ты знаешь может у твоего деда почерк хороший был. Потому что у папки твоего деда мойного почерк я видел. Хрюша про такой сказала бы, что это курица царапала. Смотри, батя, я уже сколько написал, а ни одной кляксы... ну это пятна от этой синий чернилы так их называются. Завучиха говорила, что эти чернила очень дорогие. Дороже бормотухи, которую ты пьешь. А Колька с пятого Б только этими кляксами и пишет. Его солдатам писать не взяли.

Учусь я батя ничего. Гоблин, так мы нашего директора зовем, думал, что я не знаю падежей. А я их знаю. Ты, батя, знаешь, что такое падежи? Думаю, что не знаешь. Мамка знает только Именительный и родительный. Мне кажется, что она опять беременная. Может этот раз... ты ж в армии и ее не побьешь... ногами в живот... так

она и родит кого, а так у нее я от бабы Юли слышал. Было семь каких-то выкидоншь или как. Я точно не помню.

Батя, в письме, который мне дала Хрюша написано.

«Я тебе пишу солдат потому что там тебе грустно и тяжело без родных»

Может, батя, тебе и тяжело, но нам с мамкой без тебя тихо и спокойно.

И еще в Хрюшином письме написано:

«Дорогой солдат мы желаем тебе здоровья, терпенья и мужества. Удачи и сил в бою. Возвращайся живым и здоровым»

Ради Бога, батя, прошу тебя не возвращайся домой. Потому что если тебя убьют, то мы с мамкой получим за тебя деньги и она купит мне новый велосипед. Ты ж старый, который мне крестный подарил, пропил. А когда мамка стала тебя ругать так ты её побил, и она неделю лежала в больнице, а я жил у тетки Нины. Которая мне говорила, что я много ем, а я у нее

ел только борщ и кашу. А колбасу или мяса так-то она своей толстой дочке Светке давала, а мне хоть кусочек так нет. И все только сядь тут. Стой там. Принеси это отнеси то. А если что не так. То так по роже даст, что не хуже за тебя, батя.

Батя, а когда тебя дядя Толя побил и тебя отвезли в больницу. Так я пошел в комнату, где ты лежал в проводах и трубках. Доктор тогда сказал, что печенка твоя не работает. Так я Бога просил, чтобы ты из больницы не приехал, а остался в проводах. Но Бог меня не послушал. Ты приехал и вечером побил меня шнуром и пропил мои новые ботинки. Мне в школу не было ботинок других идти, а когда я через, как мамка мне новые купила, три дня пришел так Гоблин сказал, чтобы я в школу без отца не приходил. Я не пришел с тобой потому что тебя в тот день отвезли в капазэ. За то, что ты Валерку кривого поленом по голове побил. Теперь кривого сын, как меня увидит так сразу бьет в морду меня. В кровь, а заступиться за меня некому. Был бы батя может он заступился, но бати у меня нет. Не он есть, но его, как мамка говорит, как будто нету.

В письме заучихи написано.

«Я желаю тебе и твоим друзьям отличной службы и здоровья»

Батя, я желаю твоим боевым друзьям тоже погибнуть. Потому что они тоже бьют своих детей и пропивают их одежду. Я слышал, как соседка Зоя говорила мамке, что на войну всех пьяниц забирают. И то хорошо. Поубивают их так хоть дети компенсацию получают. Но сосед дядя Миша, мамка говорила, два месяца уже ходит. Ему ничего не дают за сына евойного. А тетя Валя с дядей Кирюшей получили. Машина теперь у них белая, как мне белый цвет нравится. Вот бы мне за тебя машину пускай не белую, а хоть желтую дали. Но у меня прав нету.

Иван Жуков посмотрел на копеечную икону, что висела на облупившейся кухонной стене: перекрестился, тихо и не по-детски вздохнул:

- Боженька милостивый. Пишу и плачу. Знаю, что нельзя. Батюшка Никодим нам в школе говорил, что надо любить своих мамок и папок, уважать их родители своя. Мамку я еще уважаю. Хотя и она тоже меня бьет, но папку сваго я не люблю. Он мне все детство стравил. Он говорит, что его били, когда он малым был. Так за то он меня

теперь бьет. Мамка забрала у него деньги из кармана на хлеб нам. Так он ее так бил. Так бил и кричал, что она крыса, а она совсем на крысу непохожа. Крысы жирные, а мамка худая, как бездомная сучка Муха, что роется в нашей помойке.

Я тебе Боженька обещаю, что своих детей никогда бить не буду, а ты за то забери батю моего к себе. Сделай Божью милость. Может с тобой он лучше станет, а как он залучшеет ты его можешь назад к нам послать.

С уважением Иван Жуков ученик пятого А класса.

Иван вложил письмо в конверт и утром отдал его завучу Анне Александровне Чичкиной.

В полдень в класс вбежала запыхавшаяся (длинная худая по кличке Шпала) секретарша директора

- Это пятый А? Не здороваясь, спросила она учительницу математики.

- Да, пятый А, а в чем дело?

- Жуков здесь!? Гневно сверкая очами, красными от злости глазами, спросила Шпала.

- Вот он.

- А ну-ка пошли со мной, писатель!

- Какой я писатель. Я книжки...

- Рот закрой. Быстро я сказала за мной.

Жуков пошел к двери:

- Быстрее. Быстрее, шевелись. Плетется тут.

Шпала сильно толкнула Жукова в спину и тот пулей вылетел в коридор.

- Чего вы так... Послышалось с коридора.

- Сейчас узнаешь. Все узнаешь, мерзавец.
Распустили вас! Сейчас тебе все объ...

Агрессивная речь Шпалы постепенно затухала и вскоре ее сменила мирная тишина.

В кабинете директора ученика пятого «А» встретил незнакомый ему лысый человек с плаксивым бабьим лицом и молотком в руке.

О чем разговаривал незнакомец с Жуковым – это отдельная история.

Интервью

Восьмилетний мальчик по имени Остап забросил за плечи свой школьный ранец и тяжело вздохнув, сказал:

- Мама, я пошел.

- А что ты так невесело? – Поинтересовалась у Остапа его мать Оксана.

- Того, что не хочу я в школу идти.

- А что такое. Обижают тебя там что – ли?

- Пусть только попробуют! Заявил Остап.

- А чего же тогда не хочешь?

- Тому, что в ней не по-нашему говорят. Я ничего в ней не понимаю!

- Так ты ж в ней только несколько месяцев учишься. Через год все будешь понимать. Даже нашу речь забудешь.

- Не забуду, - решительно заверил мать Остап, - мы с хлопцами только по – нашему... договорились, говорить. Не хочу я тут жить.

Я домой хочу.

- Мне тоже, сыночек, знаешь, как домой хочется.

-Ну, так давай. Прямо сейчас и поедem!

Оксана поправила вихрастые волосы Остапа и сказал:

-Прямо сейчас. Не получится.

- Почему?

- Того, что у нас чемоданов нет. Улыбнулась Оксана.

- А мы без чемоданов!

- Без чемоданов нельзя, - сказала Оксана, - нас с тобой без них в самолет не пустят.

- Так ты купи!

- Вот денег заработаю и сразу куплю. Ну, все иди, Остапчик, а то опоздаешь.

- А ты?

- Что я? Удивилась Оксана.

- До школы меня проводишь?

- Ой, не могу сынок. За мной сейчас машина с моей работы приедет. Ты уж сам. Тут же недалеко.

- Нам, если нас автобус не везет, только с родителями можно ходить. Попадет мне и тебе от учительницы.

- Знаю. Знаю, - вздохнула Оксана, - ты ей... учительнице... скажи, что я с тобой до школы шла, а в ворота ты уже один вошел.

- Ой, мамка! – покачал головой Остап, -ты вот говоришь, что врать нельзя, а сама обманываешь.

- Бывает, сынок, - виновато улыбнулась Оксана, - что и обмануть не грех. Мне работу терять неохота.

- Работа выходит тебе дороже меня?

Сын серьезным недетским взглядом посмотрел на мать.

- Что ты такое говоришь, - всплеснула руками Оксана, - ты же самое дорогое, что у меня на свете есть. Что ты, сыночек, что ты. Бог с ней с этой работой. Пошли, я тебя провожу и ранец твой понесу.

- Не нужно, - Остап отвел материнскую руку от своего школьного ранца, - я сам, а учительнице, если спросит, скажу, что ты заболела. Ну, я пошел.

- Дай же я тебя на дорожку поцелую.

- Не надо, мама, не люблю я целоваться. От этого мокрым становишься.

Остап надел на вихрастую голову шапку.

- Ну, дай хоть обниму.

- Ну, обними.

Оксана крепко прижала к себе сына.

- Ты так меня задавишь, отпусти.

- А ты, сынок, - поинтересовалась Оксана, - меня любишь?

- Конечно. Ты ж у меня самая красивая, добрая и хорошая.

- Ну, спасибо тебе, Остапчик, за эти слова. Век их не забуду.

- Ну, все я пошел!

- Иди. Иди, сынок, иди с Богом. Я тебя после школы обязательно встречу.

Сотрудник оппозиционной радиостанции «Иней» Никита Тихорецкий ехал на важное интервью с видным политическим деятелем. Сотрудник прокручивал в голове вопросы, ответы, смотрел в зеркало дальнего вида и то улыбался, то хмурил брови, придавал голосу то напористость, а то мягкость. Одним словом, репетировал.

Кроме того он ещё и думал он о перспективах обустройства Прекрасной России будущего. В общем был занят, чем угодно - только не своим прямым шоферским делом: смотреть за дорогой, за работой светофоров, знаками стоп и «зебрами» переходов. Глухой стук вернул Никиту из мира вопросов, ответов, улыбок, гримас, обустройства России будущего в действительность. Сотрудник «Инея» обернулся и увидел на дороге тело ребенка.

Никита свернул в пустынный переулок, нажал на тормоз и набрал номер телефона:

- Слушаю.

В салоне машины Никиты зазвучал голос редактора «Инея» Алексея Зиновьева, а затем на экране возникло и его треугольное лицо.

- Алексей Витальевич — это я.

- Вижу, что ты, а чего у тебя рожа такая постная. Ты не вздумай с таким фейсом на интервью явиться. Верни на место свое голливудское лицо, я ведь тебя

не в последнюю очередь из-за него и послал на это интервью.

- Будет тут лицо.

- А что за голос такой загробный. Случилось чего?

- Случилось.

- Ну?

-

- Ты чего молчишь. Говори. У меня в времени в обрез.

- ЧП у меня.

-Случилось. ЧП. Тут тебе не телеграф. Денег за слова не берут. Давай быстро, обстоятельно и по сути. Что произошло?

- Я пацана только что сбил.

Треугольное лицо редактора Зиновьева сделалось квадратным.

- На смерть.

- Не знаю, - ответил сотрудник, - я к нему не подходил.

- А пацан местный?

- Думаю эмигрант их много в этом районе живет.

- Это хорошо.

- Что хорошо? Поинтересовался сотрудник Тихорецкий.

- Что эмигрант.

- Почему?

- Потому что, потому... Кто-то видел, что ты того пацана сбил?

- Вроде нет. Ответил сотрудник Инея.

- Хорошо.

- У вас то понятно все хорошо, - рассерженным голосом сказал сотрудник, - а у меня все плохо.

- У тебя еще тоже пока ничего плохого. Не тебя же сбили. Хохотнул редактор

- Алексей Витальевич, мне сейчас не до шуток. Вы мне лучше скажите, что мне делать.

- Как что делать. На встречу ехать. Я знаешь, сколько сил и бабок положил, чтобы добиться встречи с этим человеком. Сделать с ним интервью!

От него сейчас зависит судьба сотен, да что там сотен... тысяч наших мальчиков, что мерзнут в сырых и грязных окопах.

Так что давай жми на газ. Тебе надо прибыть вовремя. Твой собеседник, в отличие от нашего деда, опаздывать не любит. Точен, как швейцарские часы.

- Алексей Витальевич, что вы такое говорите, мне и так срок светит, а за неоказание помощи и оставление места аварии вообще край!

-Ты и так уже бросил место происхождения. Так что давай, езжай.

- Алексей Витальевич, может меня можно кем-то заменить. Как я в таком состоянии буду работать?

- А ты соберись, - посоветовал редактор, - отбрось лишнее. Потом даже если бы и было у меня кем-то тебя заменить. Он все равно к месту встречи вовремя не доедет. Так, что поезжай, Никита, а там разберемся. Хороших адвокатов подключим. Я со своей стороны окажу твоей семье живую и активную помощь. Ты же знаешь наш девиз. Своих не бросаем. Езжай Никита. Езжай!

Сотрудник Инея нажал на газ и вовремя прибыл к месту назначения. Интервью прошло успешно. Своим голливудским лицом Никита расположил к себе собеседника и тот пообещал, обеспечить достойную жизнь «мальчикам» вынужденным мерзнуть в сырых и грязных окопах.

- Мне очень жаль, мадам,- ответил доктор на вопрос Оксаны, «что с Остапом», - мы сделали все, что могли, но... к моему великому сожалению. Понимаете, если бы его доставили в госпиталь сразу после столкновения с транспортным средством, то исход наших усилий был бы иным, но, к сожалению, сбивший вашего сына водитель покинул место аварии, не оказав первой помощи. Если бы он... Примите мои глубокие соболезнования.

Остапа похоронили на живописном городском кладбище. На прощальной церемонии присутствовало много, включая представителей городской власти, народа. Говорили о своей любви к погибшему, выражали боль утраты, вспоминали какие-то случаи из жизни.

- Не дрейфь, Никита, - сказал редактор Зиновьев на свидании своему подчиненному, - все будет шоколаде. Ведь защищать тебя будет лучший адвокат. Он меня заверил, что много тебе не дадут, а через годик-два выйдешь по УДО. А как выйдешь то будь уверен, мы тебя не оставим. Ведь мы своих не забываем и не бросаем.

Это случилось в ПНП

Тот, кого так долго ждали, появился. Он подошёл к подиуму. Обвёл поросычьими глазками аудиторию и заговорил визжащим, как у свиньи голосом:

- Друзья мои, извините за опоздание. Был занят. Неимоверно занят.

- А не зря его, - тихо произнесла управляющая медициной, - Боровом прозвали.

- Свинья он свиньёй, - скривив рот, ответила ей сидящая рядом управляющая образованием, - а не боров.

- Я, только что, - продолжил визжать тот, кого так долго ждали, - имел видео связь с САМИМ.

- Знаем мы этого САМОГО, - усмехнулся начальник охраны, - Нинку Безразмерную.

- Говорят, что у него, - шепнул ему на ухо начфин, - сейчас Танька Красная в фаворитках.

- Говорят, что кур доят, а пошли, даже титек не нашли.
- Это вы к чему?
- А к тому, что я лучше знаю с кем и как.
- А вы что...
- Да, да. Иногда и держу для поддержания нужного интима.
- Друзья мои, - обратился к беседующим тот, кого так долго ждали, - я вам не мешаю?
- Извините, тут рабочий вопрос возник.
- Решили?
- Так точно.
- Я могу продолжать?
- Разумеется. Ещё раз извините.
- Так вот, - продолжил, тот, кого так долго ждали, - САМ просил меня изыскать резервы.
- Для какой цели? Поинтересовался военком.
- Цель у нас одна, - уверенно ответил тот, кого так долго ждали, - но постоянно меняющаяся. СВО!
- Так мы ж для этой цели, как бы уже все, что можно было, изыскали. Людей, каких могли и не могли, мобилизовали, носки вязали, трусы шили, сетки маскировочные плели, пожертвование с населения собирали.
- Очень верное дополнение, - сверкнув пороссячьими глазками, сказал тот, кого так долго ждали, - это ваше как бы. Надо не как бы, а как нужно.
- У меня, друзья мои, есть идея, и я хочу её с вами обсудить.

Что-то мохнатое урчащее - шипящее ударилось о стену. Встав на лапы, оно оглядело помещение. На длинной скамье, что тянулась вдоль стены, сидели разномастные коты. Под ней лежали неухоженные псы. На подоконнике кучковались, нахохлившиеся голуби.

Дверь помещения вновь отворилась, и в неё влетело что – то страшно визжащее. Оно тоже ударилось о стену. Отряхнулось и попыталось вскочить на скамью.

- Куда лезешь. Не видишь что - ли, что тут уже все занято!

- Садитесь возле меня. Пригласил тот, кто влетел первым.

- Благодарю. Сказал тот, кто прибыл вторым.

- Вас как зовут?

- Хмырем. А вас как кличут?

- Шмарой.

- Понятно.

- Что вам понятно, что вам понятно. Это я сейчас Шмара, а раньше я Дусей была. У меня хозяева были. Паспорт со всеми прививками имелся. Я сибирской породы, с пушистой шерстью трёх цветов, большими зелёными глазами и тёмными колечками на ногах и спинке.

- Я тоже, знаете, не всегда Хмырем был. Меня так жители района прозвали, когда я бомжевать стал, а раньше, - Хмырь тяжело вздохнул, - я Сметан

Сметанычем был. Потому что имел белый благородный окрас, крайнюю упитанность и персидскую родословную.

- Мы все когда-то, - произнёс из-под лавки сиплым голос пёс, - были. Я, например, был ксолоитцкуинтли.

- Чего? Чего? Что за цикли!

- Не что и чего, а древнейшая порода собак на планете. Нас почитали, как священных, жрецы ацтеков.

- И я тоже вам не Шарик какой-то. Я доберман Ураган!

- И я голубых кровей. Это меня сейчас никак не зовут, а раньше у меня благородная кличка Маркиз была. Моя родня при европейских дворах живёт, а меня догадал черт тут родиться!

- Мы тоже вам не курицы, - заворковали голуби, - мы породы серебристошейных голубей. Наш вид эндемик Мадейры. Оpoznать нас можно по серебристым пятнам на шее и фиолетовому отливу на груди.

Голуби замолчали, и в помещение установилась гнетущая тишина.

Тишину вопросом нарушила Шмара:

- А кто знает, где мы?

- Мы с вами, простите мой французский, - сказал одноглазый кот по кличке Пират, - в глубокой Ж, а точнее в ПНП.

- А более конкретно можно? Попросила Шмара.

- Конкретно в душильне, где всех нас для отчётности по чистоте и благоустройству – придушат.

- Не понимаю, как наше истребление повлияет на чистоту и благоустройство? Спросил бывший Маркиз.

- На благоустройство и чистоту никак, а на премиальные комитетчикам по очистке ещё как. Вы знаете, какие они башли за наши смерти имеют. Ого- го!

Помещение погрузилось в тишину. Каждый рисовал в своём воображении страшные картины.

- А я ему не поверил, - нарушил паузу пёс, который до этого не участвовал в беседе, - думал, что он бред какой – то несёт, а теперь понимаю, что не бред это.

- Какой бред, простите не знаю вашего имени, о чем вы? Поинтересовалась Шмара.

- Когда то Громом звали, а теперь Барбосом кличут. А бред вот какой. К нам в стаю иногда, отвязаться, то есть оттянуться, прибегает пудель Фантик у него хозяин какой – то крутой начальник. Так вот Фунтик этот мне поведал следующее. Его хозяин, большой начальник в приватном разговоре сообщил своему собутыльнику, что вышел приказ всех бездомных животных отловить и отправить в ЗБД.

- Что это за абракадабра такая? Поинтересовался Хмырь.

- Зона боевых действий, - объяснил ему Гром-Барбос, - вот что это такое. Сейчас идёт спецоперация, и начальство изыскивает резервы для её проведения.

- А мы чем можем помочь? Поинтересовался тот, у кого сейчас нет клички, а прежде называвшийся Маркизом.

- Как. Как. А вот так. Потренируют нас и отправят на фронт. Там на нас повесят фугасы и вперёд!

Выждав короткую паузу Гром – Барбос продолжил.

-Теперь мне понятно, почему они именно нас сюда забросили. Потому что мы все породистые. Нас тренировать легче.

- Ну, это действительно бред, - заворковали голуби, - бред бредовый. Ладно, собаки, кошки, но мы то зачем им сдались.

- А затем и сдались, что вы породистые птицы, а не какие то там петухи. У них с беспилотниками напряженка. Вот вы за них и сойдёте. Хозяин Фантика так и сказал. Были голуби бомжовые, а станут они бомбовые.

Все снова умолкли. Через короткое время со скамейки спрыгнул кот, изогнулся дугой и сказал:

- А я согласен идти. Я даже и рад, что так будет, - и, не дожидаясь вопроса «Почему», продолжил, - там хоть кормить будут, а тут ходишь вечно голодный. Нет, как хотите, а я пойду в это «збыд» его комар.

- Простите вас как зовут. Поинтересовалась Шмара.

- Когда то Мурзиком звали, а теперь... Лучше при дамах и не произносить.

- Послушайте, Мурзик, вы же людей убьёте.

- А они мало нас поубивали. Мало мучали. Вот я им и отдам должок.

- Ну, ладно я бы согласилась, если бы вы мстили тем, кто вас мучал, но ведь это даже не наши люди - это жители совсем другой страны.

- Люди, дорогая моя, везде люди. Хуже животного, чем человек на этом свете не отыскать.

В помещение вновь повисла тишина. Каждый, как в той песне, думал о своём, о чем то дорогом.

Наконец Шмара сказала:

- Я предлагаю поднять мятеж и вырваться отсюда. Я убийцей быть не хочу. Одно дело задушить мышь для пропитания, совсем другое - это убить человека. Кто за моё предложение?

- Мы не против. Согласились собаки.

- Мы тоже за. Поддержали их решение коты.

- Ну, если все за то и я, пожалуй, не против. Сказал кот соглашатель.

- Тогда, - выйдя на середину комнаты, произнесла Шмара, - я предлагаю стратегический план. Как только откроется дверь. Вы голуби налетаете на работника и клюёте его. Вы барбосы сбиваете его с ног, ну, а дальше будем действовать согласно тактической обстановке.

- Вы прямо, как полководец. Стратегия, тактика.

- Я одно время, - пояснила Шамара, - в подвале военкомата жила. Там кое-чему и научилась.

- Понятно.

- Если все согласны, то тогда приготовились к нападению.

Как только открылась входная дверь. Голуби спорхнули с подоконника, и громко хлопая крыльями, набросились на работника. Псы сбили его с ног и с оглушительным лаем выскочили в коридор. За ними страшно шипя, урча, и мяукая вылетели коты. Все, как один, ринулись на работников живодёрни. Те перепугались до потери сознания. Самые смелые из них попробовали было подавить мятеж. Однако псы быстро остановили это контрнаступление и самые смелые из работников ПНП вынуждены были спрятаться в подсобке. В коридорах, лестницах, служебных кабинетах начался переполох. Люди попрятались, кто, куда мог: в шкафы, на шкафы, а начальник ПНП даже умудрился влезть на люстру и стал дурным голосом кричать с высоты:

- Откройте им входную дверь! Пусть бегут на улицу! Умоляю, отворите двери! Пока они нас тут всех не погрызли.

Кто – то выполнил эту, то ли команду, то ли просьбу широко распахнул входную дверь и восставшие животные выбражали на свободу.

Свобода была поглощена вечерними сумерками. На небе всю пылала полная луна и блистала несравненная Венера.

"Слеза"

Город, в котором расположен Зоопарк, был большим – не мегаполисом, конечно, типа Рио де Жанейро, где давно уже никто не ходит в белых штанах, а надевает на себя то, что только пожелает. Однако город был не маленьким, потому что в маленьком городе открытие зоопарка обходится дороже. Такое дорогое заведение, из-за отсутствия посетителей (где им взяться в маленьком городе?), быстро съело бы весь городской бюджет.

В зоопарке обитали могучие слоны, величественные львы, грациозные лани, восхитительные леопарды, выразительный бурый медведь. Также была шумная компания разнообразных макак, шимпанзе, гиббонов и прочих близких родственников посетителей зоопарка.

В водных вольерах жили яркие и шустрые рыбки, а также какое-то причудливое создание без названия и классификации в животном мире. Все они, от крота до создания без классификации, находились под постоянным наблюдением и обеспечивались должным количеством пищи. Хотя, если говорить откровенно, львам мясо не докладывали.

Любимцем зоопарка, как для посетителей, так и для работников, был не розовый слон, не белый тигр, не рыжая макака, а нильский крокодил. У него темно-серый цвет, а живот и бока были желто-голубыми. Размеры крокодила были настолько впечатляющими, что казалось, если бы Тираннозавр рекс, самый свирепый из динозавров, появился на дорожках зоопарка, то желто-голубой крокодил разорвал бы его, как тузик грелку.

Крокодил, несмотря на свои пугающие размеры, был добрым и мягким. Невозможно было смотреть на него без слез, когда он проливал их над бедными созданиями, которых ему приносили на обед работники зоопарка. За эти слезы крокодила его и прозвали "Слезой".

В общем, крокодил Слеза жил беззаботно, наслаждаясь своей спокойной жизнью, но внезапно все изменилось. Власть в городе сменилась. На двери директорского кабинета появилась новая надпись: "Дир. Путинычев Вольдемар Владимирович".

Путинычев сорвал желто-голубой флаг и растоптал его ногами, а на его место был поднят новый

трехцветный флаг. Ну, подняли и подняли. Для животных флаги – это всего лишь ориентиры.

Самым отвратительным в новой власти было то, что резко изменился рацион и отношение работников. Вместо аппетитного обеда Слезе стали приносить какие-то объедки, над которыми хотелось не плакать, а рыдать горючими слезами.

Почему мы крокодилу носим такое дерьмо? - спросил один из работников, коллаборационист Апанас. - Раньше мы давали ему только свежую пищу. Он такие слезы лил. Все посетители собирались, чтобы посмотреть.

У нас сейчас напряженная ситуация с бюджетом, - ответил похожий на крысу директор Путиничев В.В. - Все продукты идут на строительство нового мира.

Но я как-то не вижу...

Слеза

Город, в котором он расположился Зоопарк, был большим, не мегаполисом, конечно, типа Рио де Жанейро, где давно уже все поголовно не ходят в белых штанах, а надевают на себя, что Бог на душу положит. Однако город был и не маленьким, ибо в маленьком городе открывать зоопарк себе дороже. Поскольку такое дорогое заведение из-за отсутствия (где им взяться в маленьком городе) посетителей быстро бы сожрало весь городской бюджет.

В зоопарке жили могучие слоны. Величественные львы. Грациозные лани. Восхитительные леопарды. Выразительный бурый медведь. Шуманая компания разнообразных макак, шимпанзе, гиббонов и прочих близких родственников посетителей зоопарка.

В водных вольерах обитали яркие шустрые рыбки и какое то причудливое создание без названия и классификации в животном мире. Все они от крота до создания без классификации были под постоянным надзором и должным продовольственным обеспечением. Хотя положила руку на сердце - львам мясо не докладывали.

Любимцем зоопарка, что посетителей, что работников был не розовый слон, не белый тигр, не рыжая макака, а нильский крокодил. Цвет он имел

темно-серый, а живот и бока были у него желто – голубыми. Размеры крокодила были столь внушительны, что казалось, появившись на здешних дорожках Тираннозавр рекс самый свирепый из мира динозавров, то имевший желто- голубые краски в своей раскраске крокодил - порвал бы его, как тузик грелку.

Крокодил, не смотря на свои пугающие размеры, был добрым и мягким. Нельзя было без слез умиления смотреть, как он проливает слезы над бедными созданиями, которых приносили ему на обед работники зоопарка. За эти слезы крокодила прозвали «Слезой»

В общем, жил себе крокодил Слеза не тужил, наслаждаясь своей спокойной жизнью, но внезапно произошли перемены. Власть в городе поменялась. На дверях директорского кабинета появилась новая надпись: "Дир. Путинычев Вольдемар Владимирович".

Путиничев сорвал с ворот и растоптал ногами желто – голубой флаг, а вместо него водрузили новый трехцветный. Ну, водрузил и водрузил. Для животных флаги это ориентиры, не более того.

Самое гнусное в новой власти было то, что резко поменялся рацион и отношение работников.

Вместо аппетитного обеда, Слезе стали приносить какие-то объедки, над которыми хотелось не плакать, а рыдать горючими слезами.

"Почему мы крокодилу тухлятину носим? - поинтересовался работник коллаборационист Апанас. - Раньше мы ему давали только свежую пищу. Он лил такие слезы. Все посетители собрались посмотреть."

"Напряженка у нас сейчас с берлом, - ответил ему похожий на крысу, директор Путиничев В.В. Все продукты идут на строительство нового мира."

"Но я как-то не вижу..."

"А ты ширше смотри, глубже," - перебил коллаборационист Апанаса директор, "не узко. Не крокодиловыми глазами. Крокодил что? Сегодня хищник, а завтра деликатесное мясо и дорогие ботинки. Понял?"

"Как бы ... это вроде... да... так," - промямлил Апанас.

Работник Петров, который приехал вместе с В.В. Путиничевым, услышав пассаж о том, что крокодил - это дорогая обувь и деликатесное мясо, немедленно стал вынашивать планы превратить Слезу в полуфабрикат.

"Да, ты пойми, темнила," - говорил он, склоняя своего тонкого склизкого напарника Иванова к убийству Слезы, "мы с одного этого крока такое бабло срубим, что нефтяная вышка такое за год не выкачает."

"А если заметут?"

"Кто тебя заметёт. Кому ты блин горелый нужен? А если что, то мы все на террористов спишем. Мол, приехали и замочили крока. Майданутые, что с них возьмёшь."

Привёл железный довод Петров.

"Ну, ладно. Только чтобы бабло поровну."

"Да ты что. Да я ж. Ну, ты ж... в натуре."

"А когда будем валить?"

"Так в первую же дождливую ночь и завалим."

"Че в дождливую?"

"Того, что вода, следы и улики смое, темнила. Если хочешь совершить идеальное убийство, добавь воды."

"Тут, я слышал, дожди редко бывают. Юг же все-таки."

"Но бывают," - заговорчески подмигнул Петров, "как настанет нужная ночь, так сразу же приступим к операции Слеза."

"А че слеза?" - поинтересовался склизкий и тонкий Иванов.

"А ты разве не в теме?"

"Поясни."

"Слеза - это погоняло крока."

"Первый раз слышу."

"Ну, так считай, что потфартиоло тебе сегодня!"

"Чего это?"

"Новое знание получил. Знание это сила, темнила!"

"Че за сила?"

"Слышь, ты, че мне мозг своими вопросами выносишь. Я тебе, что энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона."

"Че. Че?"

"Че, че. Через плечо," - серьёзно рассердился Петров, "не горячо?"

"Ну, так бы сразу и сказал."

К реализации операции "Слеза" приступили немедленно. На складе инвентаря злоумышленники украли прочные верёвки, стальные крюки и острые охотничьи ножи. Но в судьбоносную ночь, когда все было готово для убийства и свежевания туши, вдруг разверзлись воды и потоки небесные слились воедино, смывая все на своём пути. Мощная стихия

объяла землю, затопляя ее безжалостно. Утонули трепетные лани, захлебнулись свирепые львы, ушли ко дну тигры и гиены, потонули макаки, гиббоны и причудливое создание без названия и классификации в животном мире тоже исчезло с лица земли. Но прошло некоторое время, и жаркое южное солнце сделало своё дело. Вода, которая казалась бескрайней и бесконечной, начала медленно отступать, но на месте бывших пастбищ и посевных полей образовались озера и пруды.

Как-то вечером за рюмкой коньяка представитель новой власти Захар Евсеевич Западловский рассказал своим товарищам следующее.

"Слышь, мужики, только это шобы только меж нами. Чтобы вы никому ничего не рассказывали, ни-ни, ни-нет. Потому что если что... с меня ж подписку о неразглашении взяли. Короче, вывели пиндосы в своих лабораториях чудище морское. Видом вроде крокодил, а размерами чистый птеродактиль."

"Не редактор," - остановил Западловского один из слушателей, - "а птеродактиль. И это птица, а не крокодил."

"Может и птица," - согласился Захар Евсеевич, - "неизвестно ж, чего пиндосы в своих лабораториях нахимичили. Комарами и клопами,

клонированными кусали же нас. Теперь это чудище вывели. И жрёт эта сволочь только наших. На нациков даже не смотрит."

"Не может быть?" возразил представитель власти.

"Вот те крест. Мы их на ночь к крюку привязывали, на утро приходим живой и здоровый, а нашего оставили, так он его сожрал вместе с пуговицами и сапогами. Вот такое чудище вывели пиндосы."

"Никакое это не чудище, а крокодил Слеза. После того, как с зоопарка смыло, в новом озере живёт."

"Если он безмозглый крокодил, то чего он только наших жрёт?"

"Мстит, наверное. За то, что его теплого места лишили. Ты тоже бы мстил."

"Может и мстил бы, но я человек, а он тварь. Откуда она знает, кто чей?"

"Мозг же у него есть. Стало быть, есть и сознание. А есть сознание – значит, есть понимание, кто свой, а кто чужой."

- Мозг же у него есть. Стало быть, есть и сознание. А есть сознание – значит, есть понимание кто свой, а кто чужой.

Тишина окутала пространство, словно занавес, скрывая мысли каждого, в своем мире. В тишине витало неизведанное, тайное и чудовище-

птеродактиль, которое звалось Слеза. - Мозг же у него есть. Стало быть, есть и сознание. А есть сознание — значит, есть понимание кто свой, а кто чужой.

Тишина окутала пространство, словно занавес, скрывая мысли каждого, в своем мире. В тишине витало неизведанное, тайное и чудовище-птеродактиль, которое называли Слеза